

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



ЗАКОН
ОТВЕТНОГО
УДАРА

Сергей САМАРОВ



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Закон ответного удара

«Автор»

Самаров С. В.

Закон ответного удара / С. В. Самаров — «Автор», — (Спецназ ГРУ)

Когда бывший командир особой роты спецназа ГРУ Игорь Соргин приехал на похороны боевого друга, то вдруг узнал, что хоронить-то некого – тело пропало из морга. Более того, на самого Игоря совершено покушение... Впрочем, Соргину повезло – он неожиданно встретил двух старых сослуживцев. Теперь они – полноценная боевая группа. Следует только выяснить, кто противник, – и в бой!..

© Самаров С. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Самаров

Закон ответного удара

ЧАСТЬ I

Глава 1

По междугородке позвонила Татьяна Павловна, мать Кордебалета. Игорь Согрин год назад гостил у него, тогда и познакомился с матерью.

– Алло! Это Самара?

– Да-да... Самара.

– Ой, очень плохо вас слышно. Мне Игорь Алексеевич нужен.

– Слушаю вас.

– Это Афанасьева Татьяна Павловна. Помните меня?

– Конечно, Татьяна Павловна, конечно...

– Игорь Алексеевич, беда у нас...

– Что такое?...

– Шура умер...

Сообщение шарахнуло приливом крови в лоб, застучало, запульсировало в висках. Шурик Афанасьев, по общепризнанной забавной кличке Шура Кордебалет, подвижный, энергичный парень, на четыре года моложе самого Игоря. И вот вдруг...

– Как это случилось?

– В сумасшедшем доме умер... Он там уже два месяца лежал...

– Почему, как?... – опешил Игорь от еще одной неожиданной новости. – Что же вы раньше не позвонили?...

– А вы могли бы тогда помочь?

Он смутился.

– Когда похороны?

– Послезавтра. В два часа.

– Татьяна Павловна, я обязательно приеду, обязательно, не сомневайтесь...

– Уж пожалуйста, Игорь Алексеевич, если можно, пораньше бы, а то и помочь совсем некому. Мы ведь с ним вдвоем остались. Только еще двух школьных товарищей его нашла, и больше никого, никого на целом свете...

– Обязательно, Татьяна Павловна...

Она коротко всхлипнула и, испугавшись, видимо, что плач ее услышат аж в другом городе, положила трубку.

А Игорь невольно задумался над фразой. «Мы ведь с ним вдвоем остались...» Мать все еще говорит о сыне, как о живом? Возможно, пока земле не предали, так и будет говорить. Или?...

По многолетней привычке контролировать себя и все окружающее он насторожился. Но, вспомнив колоритный, с характерными нервными интонациями голос, который легко узнал и через два года, сомнения отбросил. Какие, в самом деле, могут быть сомнения, когда произошла такая беда... Беда, у человека сумятица в голове, а ты еще и сомневаешься... Это не товарищески и вообще не по-людски...

Игорь сосредоточился, сбросил вызванную сообщением некоторую растерянность. Так, что же надо сделать в первую очередь? Как добираться? Поездом – долго и нудно, и вообще он никогда не любил поезда. Самолетом? А вдруг погода или что-то еще... Лучше надеяться на самого себя.

Он набрал номер телефона сына.

– Сергей, это отец. Мне завтра машина нужна. На несколько дней. На Урал еду.

– Мне завтра тоже нужна, я обещал...

– Перебьешься. Тебе подружек катать, а у меня товарищ умер.

– Так поезжай на поезде.

– Все. Машину я беру. Без разговоров.

Сын положил трубку. Обиделся на командирский тон отца. Всегда обижался на такой тон. Он в мать – нерешительный, медленно соображающий. И резких решений боится.

Ничего, переживет. Сейчас пожалуется матери, та еще масла в огонь плеснет. Начнут перемывать ему кости. Не впервой...

Ненадолго задумавшись, Игорь опять снял трубку и набрал прочно засевший в голову номер на нынешний год.

Телефон ответил со старческой ехидцей.

– Готов выслушать вас.

– 131352-эс. Завтра в десять ноль ноль я уезжаю на похороны. Умер Афанасьев.

И положил трубку. Знал, что автоответчик его сообщение записал и оно обязательно дойдет до адресата.

«131352» – это его личный идентификационный номер, а «эс» – позывной куратора, с которым ушедшие на отдых разведчики время от времени контактируют. Если послал сообщение, то обязательно должен прийти отклик. Значит, до 10.00 подполковника-пенсионера Согина обязательно посетит «эс».

Вот вроде бы первые и основные приготовления сделаны. Относительно сборов в дорогу Игорь не сомневался, военная привычка сыграет свою роль, и он будет готов к выезду за две минуты – не впервой.

Игорь походил по полузатемненной квартире – свет шел только от старенького запыленного бра над креслом, машинально поправил само кресло, чтобы стояло оно строго лицом к телевизору, но телевизор включать не стал.

Шурик... Шурик Кордебалет... До этого их оставалось трое. Толик Сохно, спившийся, еще будучи капитаном, обитает неизвестно где. Хотя как-то позвонил Согину из Москвы и сказал, что пить бросил, устроился в охранную фирму и вообще цветет, как куст сирени в мае. Оставил рабочий телефон. Потом Игорь позвонил на досуге по этому номеру. Толика уже уволили за пьянку и какой-то скандал с рукоприкладством. Таким образом, Толик, можно сказать, и не в счет почти. И неизвестно, где его искать. Теперь не в счет и Кордебалет. Не в счет и остальные шестеро. Саша Краснов погиб в Намибии – там его и похоронили в песке, завалив могилу сверху камнями – неважная, но все же защита от диких животных. Камни для могилы собирали целый день под палящим солнцем. Четверо других в цинковых гробах прибыли из Афгана. Сам Игорь и «отпевал» их со стаканом спирта в подрагивающей руке, сам и отправлял домой. Слава Макаров там же, в Афгане, пропал без вести вместе с шестью солдатами. Ушел на задание в тылы моджахедов и следа не оставил... Если погиб, его счастье... Что делали «духи» с пленными русскими спецназовцами, Игорь отлично знал. Не приведи, как говорится, господи...

В холодильнике стояла наполовину пустая бутылка коньяка и непочатая бутылка водки. Игорь посомневался. Поминают обычно водкой, но он предпочел коньяк, все-таки завтра много времени придется провести за рулем. Достал бутылку, взял с полки большую рюмку и

вернулся в комнату. Поставил принесенное на журнальный столик. Подумал еще, но настроения готовить закуску не было, даже кусок хлеба отрезать не захотелось, и он сел в кресло.

Наполненную рюмку долго держал на весу. Образ товарища стоял перед глазами, и не хотелось пить, поминая его, слишком живым еще оставался этот образ. И вообще пить в одиночестве – дурная примета.

Игорь вышел в коридор к большому зеркалу. Встал с рюмкой перед ним. На него – глаза в глаза – смотрел из полумрака коротко стриженный почти пятидесятилетний, хотя, за счет своей спортивной поджарости, и выглядящий моложе, мужчина. Он поднял рюмку, хотел чокнуться с зеркалом, но вовремя вспомнил, что, поминая покойников, не чокаются, и выпил залпом. А когда снова посмотрел в зеркало, почему-то увидел не себя нынешнего, а себя в те времена начала семидесятых, когда встретились они с Кордебалетом. Тогда седины у Игоря даже в висках не было.

* * *

Отдельная мобильная офицерская группа уже знала, что скоро предстоит операция. Поступил приказ о готовности, а это значит, что отменяются все выходные. А если вечером собрался с силами и решил выполнить давнее обещание – сходить с женой в кино, то должен позвонить дежурному и сообщить, на какой сеанс у тебя билеты и даже на какие места. Днем же тренировались интенсивно. Стандартно, по нормативам, на подготовку отводится два месяца. Но конкретно срок самой новой операции определен еще не был, хотя в любой час могли поставить и довести до личного состава задачу. Восемь офицеров и дома жили, что называется, на «тревожных чемоданах» – такой чемодан на случай тревоги всегда собран у каждого офицера Советской Армии, а уж у входящего в отдельную мобильную офицерскую группу – тем паче. Трое из восьми, включая командира, уже принимали участие в операциях. Пятеро готовились к ней впервые. Ждали еще приезда новенького – девятого.

В небольшом забайкальском городке, на учебном полигоне отдельной роты спецназа ГРУ, к которой официально и считалась приписанной группа, где она стояла на довольствии и всех прочих видах обеспечения, прохождения и учета, хотя на практике командиру роты не подчинялась, офицеры и тренировались. По десять-четырнадцать часов в день и больше, своей способностью не уставая удивлять солдат, которые, сами неплохо тренированные, смотрели на них порой, открыв рты.

...Специальная, не общевойсковая полоса препятствий, так называемая «тропа разведчика». Колючая проволока над землей на высоте сорока пяти сантиметров. Ползи и не поднимай, как курица, зад, чтобы не зацепиться им за колючку. Но сама «мышеловка» длиной в двадцать пять метров. Старшему лейтенанту Игорю Согрину, командиру группы, это показалось слишком мало. И он определил упражнение в пятидесятиразовом неотрывном проползании – туда и обратно. «Аки гад ползучий», – смеялись ребята перед началом тренировки. После нее было не до смеха – приходилось искать йод или зеленку, чтобы замазать царапины от ржавой «колючки», и иголку с ниткой, чтобы зашивать продранные штаны. А потом усложнение тренировки – стали бросать в соседний высокий железобетонный забор консервные банки. Банка ударяется о бетон, со звоном отлетает, ползущий должен среагировать на звук и до того, как банка приземлится, подстрелить ее. Сначала стреляли из автомата. Результат оказался плачевным – не развернешься с автоматом под проволокой. Потом из пистолета Стечкина – только слегка лучше. Даже наблюдающие издали солдаты, заметил Игорь, начали, пряча лица, посмеиваться.

День ползает, второй, третий, пятый... И командир группы вместе со всеми штаны рвет. Лица у наблюдающих солдат меняются. Из десяти банок восемь бывают подстреленными. Навык на тренировках возвращается. Сама техника стрельбы основана на «ковбойском»

методе – так учили стрелять на Диком американском Западе в прошлом веке. Если на прицеливание времени нет, доверяй инстинктам. В этой ситуации важен взгляд на летящий предмет. И следом за взглядом – показ указательным пальцем. Тренироваться надо до такой степени, пока не почувствуешь, что твоим указательным пальцем стал ствол. Показываешь и стреляешь, нажимая спусковой крючок средним пальцем.

Вот во время таких занятий Игорь и увидел недалеко от полосы нового офицера, общевойсковыми красными петлицами и погонами отличающегося от местных десантных парней. Пули от бетонной стены рикошетили, и подходить так близко категорически запрещалось всем, кроме бросающего банки. Но тот видит, куда бросает – постоянно вперед, вперед направлен и выстрел, – и просчитывает возможную траекторию полета пули.

– Вас что, в морге заждались? – резко начал Согрин, разглядывая молоденького, лет двадцати, младшего лейтенанта, высокого, сухощавого и несколько взъерошенного, похожего на петушка. – Здесь же рикошет за рикошетом...

– Я ищу старшего лейтенанта Согрина.

– Я – Согрин. Пойдемте. – Игорь сразу понял, кто его ищет. Группе обещали придать постоянного шифровальщика. Должно быть, он... Девятый член группы.

Вместо того чтобы быстрее уйти с опасного участка, тот здесь же стал докладывать:

– Младший лейтенант Афанасьев прибыл в ваше распоряжение.

– Пойдем, пойдем... А то срикошетит, и доложить не успеешь. Перекур, ребята! – крикнул он своим.

Афанасьев впечатления не произвел – мощи не хватает. Те задания, которые должна выполнять группа, предполагали сверхотличную физическую подготовку. Согрин морщился, когда утром готовил парней к марш-броску в полной выкладке и с дополнительным грузом, который передается с плеч на плечи – тащить придется всем. Думал, еще один груз берут – придется младшего лейтенанта нести назад на себе. Но на марше Шурик только улыбался, легко обгоняя других офицеров и задавая темп бега. И отлично все до конца выдержал.

– Марафонец? – по возвращении поинтересовался Игорь. – Хорошо бегаешь. Всем нашим фору дашь.

– Мастер спорта по боксу.

– Ого! А по физиономии я бы не подумал, – сказал Слава Макаров, сам когда-то долго занимавшийся боксом. – Нос у тебя не тот. Еще бы у перворазрядника такой нос – ладно. А пока до мастера дойдешь – много раз получишь... – он потер свой сломанный нос.

Афанасьев отреагировал улыбкой:

– А ты не подставляй. Лицо свое уважать надо...

– А как не подставишь, если они бьют? – Слава развел руками, усмехнулся и осмотрел группу. – Ну, кто мастера проверять будет?

– Ты же у нас тоже боксер, тебе и карты в руки, – сказал «провокатору» Игорь.

В спортзале они надели перчатки. Слава был килограммов на десять потяжелее, физически гораздо мощнее. Чуть присев и пружиня на сильных ногах, он сразу двинулся вперед в правосторонней стойке, заметно готовя ударную левую руку. Шурик же, как бабочка, порхал вокруг него и легкими ударами своей левой постоянно доставал. А стоило Славе едва сократить дистанцию, как тут же следовали серии ударов с обеих рук, от которых он защититься не мог – просто не успевал. Шура бил быстро, резко и точно, каждую серию заканчивая акцентированным ударом, который был бы ощутимым даже для более тяжелого соперника. И уже к концу второго раунда стало ясно, что разница в классе между ними слишком велика.

А когда перчатки сняли, Слава сказал внешне сердито, в обычной своей манере:

– Ну, ты устроил мне кордебалет... Я к тебе на удар подойти никак не мог...

Ребята рассмеялись.

С тех пор и стал Шурик Афанасьев носить прозвище Кордебалет. И это прозвище иногда даже отмечалось в официальных документах ГРУ.

Однако не все тренировки давались мастеру спорта так же легко, как бег и рукопашный бой.

«ГАЗ-66» движется по разбитой дороге на приличной скорости. Борта испуганно скрипят, брезент тента хлопает, двигатель недовольно ворчит. Того и гляди, грузовик сам развалится. Задний борт откинут. Нужно спрыгнуть на ходу, причем прыжок совершается спиной вперед, приземление на две чуть согнутые и пружинящие ноги, разящий удар инерции в спину, от которого летишь в сторону удаляющейся машины и одновременно прячешь автомат под локти. Группируешься и изображаешь из себя шар – переворачиваешься, встаешь на ноги, бежишь дальше, чтобы бегом погасить остатки инерции, и с ходу стреляешь в мишень, установленную на откинута заднем борту.

Кордебалет при первом же прыжке стал переворачиваться, опираясь не полностью на предплечья, а только на локти, которые, разумеется, тут же разбил. Это, вероятно, было больно, потому он, встав на ноги и не сразу сориентировавшись, не стал бежать, а попытался остановиться. И, естественно, только полетел вперед, но на лету дал все же очередь. Попал не в самую мишень, а пробил машине сразу два задних колеса. Группа долго ему аплодировала под матюки давно уже работающего с ними и водителем, и всем остальным прапорщика.

Но все это было началом учения. Что можно спросить с молодого человека, только что отслужившего срочную службу в разведуправлении округа, после окончания двухмесячных курсов младших лейтенантов, выразившего желание продолжить службу в разведке и направленного в мобильную группу... Правда, в характеристике говорилось, что Шурик отлично работает с ручными шифрами, а это для условий отдельной мобильной группы очень важно. А то всегда с шифровальщиками случается беда. Большинство из них привыкли только к шифровальным или к кодировочным машинам, которые в рейды с собой, естественно, не берут, а ручную работу считают дедовским методом, современником Первой мировой, и совершенно не имеют в ней тренировки.

Дни шли. Физическая подготовка давалась младшему лейтенанту все же достаточно легко, гораздо больше времени уходило на подготовку психологическую. А без нее работать на чужой территории просто невозможно. Это Согрина беспокоило...

* * *

Звонок в дверь прервал воспоминания Игоря.

Он взглянул на часы – половина двенадцатого. Поздновато кто-то в гости пожаловал. Посмотрел в дверной «глазок» и открыл.

Сухощавый, старенький, бедновато и небрежно одетый, не слишком тщательно выбритый человек. Ничего не говорящие глаза. Так, пенсионер с какого-то завода, скучающий по своему станку... Никто и никогда не подумает, что он является в регионе куратором многих отставных офицеров разведки. То есть следит за их жизнью, иногда помогает материально, а чаще морально, иногда предостерегает, как пальцем грозят шаловливому мальчугану, от болтовни, порой, как поговаривают, может решить судьбу того, кто начал и вправду слишком много болтать, пользуясь переменами в обществе. Договор здесь существует строгий и достаточно жесткий: начнешь говорить ты, начнем говорить и мы. Был слух – несколько человек были выданы правительством по запросу международного суда в Гааге. Кто-то организовывал утечку информации по событиям сколько-то летней давности в отдаленных странах. Поэтому кураторов хоть и вынужденно, но уважают.

– Удивил ты меня звонком, удивил... – не поздоровавшись, сказал куратор.

– Добрый вечер, Михаил Петрович.

– Здравствуй, Игорь. Рассказывай.

Он разулся, чуть не кряхтя, по-утиному переваливаясь, прошел в комнату, поставил рядом с креслом старый, потрескавшийся во многих местах портфель, не спрашивая разрешения, налил себе полрюмки коньяка и смачно проглотил его, как водку. Зачмокал старческими губами. Игорю показалось, что он сейчас еще и соленый огурец потребует – закусить.

– Ну, так?...

Игорь сел на диван, предоставив более удобное место в кресле Михаилу Петровичу.

– А что тут рассказывать. В девятнадцать тридцать пять мне позвонила Татьяна Павловна, мать Кордебалета. Сообщила, что Шурик умер. Два месяца лежал в психбольнице. Там и умер. Хоронят послезавтра. Просила приехать на похороны, помочь с хлопотами.

– Это точно она звонила?

Согрин пожал плечами, но на своем продолжал стоять.

– Я голос узнал. Она. В этом сомнений нет. Я же год назад у них почти месяц жил. У меня в их городе еще и сестра двоюродная, так та даже обиделась, что не у нее...

Куратор в раздумье постучал пальцами по деревянному подлокотнику кресла.

– А что было с Шуриком? Почему в больнице лежал?

– Я не спросил. Так неожиданно это, что растерялся. И оставил вопросы на очный разговор. Да она и... Короче, понять можно, расплакалась и трубку положила...

Теперь куратор долго, чуть не испытующе посмотрел на отставного подполковника.

– Разговор без странностей?

«Что он, подслушивал, что ли?» – подумал Игорь недовольно. Сам бы он умолчал о маленькой детальке, на которую внимание все же обратил, но военная привычка сыграла свою роль и пришлось доложить.

– В один только момент странность некоторая прозвучала. Она сказала, что они с Шуриком совсем одни остались. Остались! Я отнес это к тому, что мать еще не привыкла к смерти сына и относится к нему, как к живому, пока не похоронили его.

Куратор покивал головой.

– Хорошо. Значит, завтра едешь? В десять часов. На поезде?

– Нет, на машине хочу. Но я срок назначил, чтобы вам дать время. А раз вы уже пришли, то я пораньше выеду. Быстрее доберусь. Вот, как вас провожу, сразу спать завалюсь. Чтоб в дороге не клонило. Дорога-то сейчас скользкая. Сами знаете.

Михаил Петрович несколько раз кашлянул сухо и отрывисто, с каким-то призывом рвущейся плотной бумаги. И после кашля постучал себя по груди тщедушным кулаком.

– Подожди, не торопись меня выпроваживать. Тут не все так просто. Там, куда ты едешь, у нас уже восемь месяцев нет куратора. И я сразу, как только получил твое сообщение, отправил запрос. Чтобы выяснить дело до конца, потому что до меня кое-что об этом доходило... Есть здесь маленькие странности...

– И...

Игорь уже понял, что имеются какие-то осложнения. Вернее, он почувствовал это сразу, как увидел куратора в дверной «глазок». Слишком быстро тот пожаловал. Будь все гладко, навел бы его часов в девять утра, дал бы пару советов, не вникая в детали, и пожелал бы счастливого пути.

– А вот тебе и «и»... Татьяна Павловна умерла в психбольнице еще три месяца назад. – Он достал из портфеля и выложил на стол аккуратно сложенный «джентльменский» бронежилет, одеваемый под рубашку, пачку долларовых купюр в банковской упаковке и бесшумный пистолет «ПСС». – А месяц назад сам Кордебалет застрелился... Не знаю, что там тебя ждет, но что-то ждет – это точно.

Глава 2

Откуда-то поволокло голимым сквозняком, словно Игорь, выпуская куратора, за которым пришла машина, оставил дверь распахнутой. Но он отлично помнил, как дверь закрыл на оба замка и даже задвинул внутреннюю защелку. Следовательно, открыть ее снаружи никто бы не смог. Сам сквозняк был какой-то неприятный, сыроватый, с запахом кладбищенской плесени или еще чего-то похожего.

«Покойники... Ветер с кладбища... Воображение разыгралось...» – успокоил он себя.

Подполковник спецназа ГРУ с боевой биографией, такой, как у него, мог себе позволить поиграть воображением и не бояться, что от этого может помутиться рассудок. Нервы проверены не в одном деле... Но вот Шурик Кордебалет... Шурик, тоже проверенный и испытанный, тоже много перенесший... У этого-то рассудок наверняка помутился, если он застрелился. Хотя, мало ли что заставило его так поступить. Жизнь теперешняя сюрпризов готовит немало. А нервы у парня, если честно сказать, были и тогда, в самом начале, не слишком могучие. Нервы даются человеку природой. Конечно, до определенной степени их можно и тренировать. Но сколько физически крепких парней не могли продолжать службу в спецназе ГРУ, хотя сами туда рвались, только из-за своей нервной системы. Нервы, нервы, нервы...

* * *

По приказу Согрина, отданному шепотом, прикрепленный к отдельной мобильной группе прапорщик провел особую подготовку к следующему дню занятий...

Пятидесятикилометровый марш-бросок с полной выкладкой, с дополнительным обязательным грузом, в который на этот раз не включили сухой паек, был пройден как обычно. В этом отношении на группу можно было положиться. Ушли с базы в три ночи. Заканчивали утром. Вот и конечная точка близко.

– Там вон, под деревом, на том конце поля – привал. До места привала пластаемся... – подал обнадеживающую команду старший лейтенант, сам первым упал и пополз прямо через пашню, не слишком чистую после вчерашнего дождя. Еще два старших лейтенанта, пять лейтенантов и один младший лейтенант со вздохом устремились за ним. Почти километр по-пластунски, по уши в грязи, буксуя, как грузовики. Они вздохнули облегченно, когда все же добрались до конечного пункта. Под деревом, о котором говорил Согрин, был привязан на длинной веревке крупный и белоснежной масти щенок местной пастушьей овчарки. Красавец! Порода не имеет названия – буряты зовут ее просто собакой. Внешне похожа на кавказку, только не такая злобная и имеет несколько загнутый, почти как у лайки, хвост. Щенок радостно залаял, увидев людей, прижал купированные уши, замахал хвостом, как вертолет винтом. Прапорщик очень хорошо выполнил команду и подыскал в самом деле щенка, который просто не может не вызвать человеческую симпатию. Все, грязные, уставшие, с улыбками собрались вокруг него. И каждый старался почесать добродушную псину за ухом. Проявление радости, добрые чувства – это все тоже помогает снять усталость.

– Отставить, – последовала резкая команда, когда Согрин, сам с улыбкой наблюдая за ситуацией со стороны, посчитал, что псину все одобрили и готовы даже полюбить.

И по тону командира группа сразу поняла, что предстоит. Они все проходили через это или подобное испытание. Теперь должен пройти последний – Кордебалет.

– Всем собирать дрова для костра. Афанасьев! Собака приготовлена нам на обед. Твоя задача – приготовить мясо.

У Шурика вытянулось лицо.

– Что? – переспросил он, не веря своим ушам.

– Выполняйте приказ, – жестко сказал Согрин и первым направился в небольшой перелесок за дровами для костра.

Но успел заметить, как Толик Сохно остановился около Шурика. Он сказал ему:

– Тест на психологическую подготовленность. Так надо, старик... В первый раз это трудно. Но – надо! Ты должен себя сломать...

Щенка съели ввосмером. Кордебалет не смог проглотить ни кусочка. Его несколько раз рвало.

Перед тем как возобновить марш, Игорь подошел к Шурику.

– Понимаешь, старик, это дело необходимое. Ты должен перешагнуть через это сразу по двум причинам. Первая – обучаешься выживаемости. На чужой территории тебя не каждая столовая примет и питаться порой приходится чем бог послал. Сдюжишь, будешь служить дальше, доведется и змей, и лягушек на костре печеных попробовать, и сырой землей давиться... Привыкнешь и начнешь соображать, что под горой чернозем вкуснее и камней меньше, чем в глиноземе на горе. А вторая причина серьезнее. Моральный парадокс... Есть извечный вопрос спецназа. Условно он называется «мальчик с козой». Конкретнее это выглядит так. Ты на чужой территории в рейде. Случайно тебя заметил человек из вражеской деревни. Он обязательно сдаст и тебя, и всю группу. А человек этот может быть и стариком, и старухой, и мальчиком, и девочкой. Ситуация! Как ты поступаешь? Что делаешь?

– Не знаю, – честно ответил Кордебалет, хотя, конечно, понимал, какой ответ он должен дать, потому что полевые занятия спецназа ГРУ – не политподготовка в ленинской комнате солдатской казармы, где говорят одно, а думают другое. И когда просился он сюда, получил предупреждение, что с романтикой здесь встретиться не придется.

– Вот для того ты и должен учиться принуждать себя. Понимаешь, сначала на собаках. А потом, в боевой обстановке... Живых свидетелей оставлять ты права не имеешь. И дело тут не в твоей совести. Совесть не позволит тебе убить ребенка, но позволит подставить под удар всю группу и выполнение задания? Так?

Кордебалет вздохнул.

– Понял я.

– Ну и нормально. А теперь – вперед. Нас дома уже заждались.

И еще один бросок в пятнадцать километров. До расположения части. Путь домой всегда ложится короче, но, обычно выносливый, Кордебалет еле-еле ноги приволок...

* * *

В понедельник пришла кодограмма из разведуправления округа. На четверг вызывались к начальнику управления командир и в головное отделение приданный группе шифровальщик. Это ясно говорило, что операция на подходе. Командир вызывается для инструктажа, а шифровальщик для получения перекодировочных таблиц. Обычная история.

Согрин решил выехать раньше. Прикинул время и дал группе вводное задание, не сомневаясь, что ребята и без его присмотра выкладываться будут на всю катушку, сам в нужный час забрал Кордебалета и сел на поезд. На следующий день они были уже в Чите.

В разведуправлении Игорь решил пока не показываться. Время подойдет, заявятся. А пока хотелось подработать еще кое-что в характере младшего лейтенанта, как когда-то подрабатывали в его собственном характере. Благо Кордебалет пока – простой пластилин, и лепить из него – сплошное удовольствие. Из самого Согрина так же лепили на протяжении двух лет более опытные офицеры, пока он не получил в свое подчинение другую отдельную группу. Очень жестко лепили, пока из пластилинового он не стал глиняным, а потом глину начали обжигать для придания терракотовой твердости.

В окружном госпитале работал земляк и хороший приятель отца – полковник медицинской службы. Согрин заглянул к нему, выложил свою просьбу, тот позвонил куда следовало и записал Игорю адрес.

Кордебалет дожидался командира на улице. Новенькая десантная форма смотрелась на нем как влитая. В самой Чите десантных войск не видели, и проходящие по оживленной улице девчонки – студентки расположенного через дорогу медицинского института – косили на молодого офицера раскосыми гуранскими глазами. Тот отвечал им тем же, но в некоторой растерянности – глаза у парня разбегались.

Игорь хлопнул Шурика по плечу.

– Пойдем, красавчик.

– А ночевать где будем? Здесь через пятьсот метров – за углом разведцентр. Можно там договориться...

– Знаю. Только я уже договорился. Будет у тебя очень приятная ночь. Готовься...

Уловив мрачные нотки в голосе командира, Шурик замолчал.

...Они приехали в морг областной больницы.

Врач-патологоанатом встретил их с усмешкой.

– Какие только желания у людей не возникают, просто диву даешься порой... Ну да воля... Александра Матвеевна, проводите товарищей офицеров в подвал. И покажите им, где стулья взять...

Кордебалет почувствовал неладное и побледнел. Но вынес все стоически.

Старушка-санитарка отвела их прямо в морозильную камеру, где было не слишком холодно, чтобы замерзнуть, но дышать было очень тяжело как раз из-за отсутствия достаточного холода. Они поставили стулья.

– Вот здесь звонок есть. Если что понадобится, звоните. Спускаюсь.

– А что, звонок для покойников? – с усмешкой поинтересовался Игорь. – Если им вдруг в туалет приспичит...

Старушка рассмеялась.

– У нас еще в шестидесятом году был случай. Привезли одного, положили. А он среди ночи ожил и давай в дверь колотиться. Ладно, услышали. Тогда и поставили во всех камерах звонки.

– А эта камера чем лучше других? Почему нас сюда именно...

– В этой не так холодно. Не простудитесь. Эх! Ува-ажаю офицеров! – улыбнулась она вставной челюстью, глянула игриво на Кордебалета и захлопнула дверь. Изнутри открыть такую в самом деле без лома невозможно.

Игорь откинулся на спинку стула. Кордебалет смотрел в пол и молчал.

Помещение морозильной камеры представляло собой небольшую комнату, заставленную металлическими столами, на которых и лежали покойники, кое-где накрытые простынями, кое-где нет. На некоторых столах лежали по двое. У дальней стены два трупа свалили прямо на полу – места на всех не хватило. В углу стоял бак для кипячения белья, который почти в каждом доме имеется. Из бака, призраком кошмара, торчали три ампутированные ноги.

Уже через минуту от запаха стало подташнивать.

– Это что, тоже необходимая тренировка? И с каждым так было? – спросил Кордебалет через несколько минут.

– Нет, не с каждым. Со мной было. Одного на ночь закрывали. С другими из группы я этого не проводил. Но остальные парни проверенные. Двое со мной уже участвовали в операциях. У других школа хорошая. А тебе все это предстоит пройти. Если я беру тебя с собой, значит, я должен быть в тебе уверен на все сто. Не обессудь...

Они до утра просидели молча. Временами дремали, но поочередно просыпались в холодном поту. Командир, несмотря на опыт, чувствовал себя не лучше подчиненного. И только

утром, после бессонной ночи в компании не слишком приятной, отправились на квартиру к знакомому Согрина, где помылись, с трудом соскабливая въедливый запах морга, побрились и вообще привели себя в надлежащий вид, чтобы можно было явиться на доклад и инструктаж в управление.

* * *

Игорь постоял у окна, под открытой форточкой. Он специально ее открыл, чтобы избавиться от вдруг появившегося после куратора запаха затхлости.

Или от самого человека такой запах? Нет, вроде бы сразу не ощущался. Только когда ушел. Или просто не до запахов сразу было? Не почувствовал в неожиданном расстройстве.

Разговор состоялся деловой и серьезный. И этот разговор, возможно, поставил точки над многими «і».

Получалось, что Татьяна Павловна звонила Игорю «с того света». Места для неумного розыгрыша Игорь здесь не увидел. Не та тема, совсем не та, чтобы посмеяться. И не та среда общения бывших офицеров, где практикуются подобные розыгрыши. Кто смерть видел множество раз – не приемлет ее в виде шутки.

А куратор тогда, после своего убийственного сообщения, сделал паузу, достойную народного артиста, снова почмокал губами, словно пробуя воздух на вкус – не пересолен ли, не переперчен? – и налил себе еще рюмку коньяка. Выпил. Будто для его прихода стол накрыли, выпивку подготовили. А хозяин и не хозяин вовсе, а так – бармен.

– Хороший у тебя, Игорь, коньяк!

Игорь промолчал.

– Жду вопросов... – Куратор посматривал на него, как старый кот на мышку, которая слишком удалилась от своей норки и этим себя обрекла. Не понравился этот взгляд Согрину. И кто он вообще такой, этот куратор? Доходили слухи, что всю жизнь проработал серьезным резидентом за границей. Был вхож в натовские верха. Вышел на пенсию, «попал» в автомобильную катастрофу и вернулся на родину. Вернулся в звании полковника бельгийского генштаба. Все как в учебниках. Жил в Первопрестольной, но нечаянно встретился на улице со знакомым бельгийским офицером, командированным в Россию. Это вынудило уехать в Самару. Какое звание в Российской Армии – не знает никто. Ну хоть бы чуть-чуть ему интеллигентности европейской, лощености, а так – пройдоха какой-то с хитрым и немного брезгливым взглядом, со слюнявыми губами, с пологими плечами, ворот пиджачка всегда обсыпан перхотью. Никакой симпатии не вызывает. Более того – раздражает.

И даже задание получать от такого странно – всерьез его воспринять трудно. Тем более что задание это дает пенсионер пенсионеру. Вдвойне неприятно. Хотя Игорь прекрасно знал, что если ты связал однажды свою жизнь с разведкой, то это навсегда. Даже если ты пенсионер...

Вопросы у него возникли, естественно, сразу. Но не хотелось, очень не хотелось, особенно здесь, у себя дома чувствовать себя стоящим навтыжку перед вот таким человеком. И в этом было преимущество пенсии. Хотелось еще поломаться, показать характер и зубы, чего он не мог себе позволить во времена служебные.

– Какие уж тут вопросы? Вопросы могут быть, когда хоть что-то знаешь. А тут... – Он развел руками. – Тут не вопросы нужны, а комментарии. Вот и выкладывайте свои комментарии. Хотя... Откуда у вас информация? И настолько быстрая...

– Центральный компьютер.

– А туда откуда поступает информация?

– Отовсюду, – сказал, как отрезал, куратор и даже вроде как обиделся на подобный вопрос.

– Нет, – спокойно возразил Игорь. – Давайте без детских «сам дурак...». Я не из праздного любопытства спрашиваю. Мне предстоит работать – я так понимаю, раз мне оружие выдают и такую солидную для наших времен сумму денег. Работа, я полагаю, предстоит серьезная. Естественно, я должен знать все обстоятельно. Служба – это не всесильный КГБ, не ослабшая ФСБ и даже не полукриминализированная милиция. У нас нет ихней сети информаторов в своей стране...

Куратор вздохнул совсем по-старчески. И видно было, что он уже давно привык к своему авторитету, а с Игорем у него вообще никогда проблем не возникало. А тут какая-то строптивость у подполковника появилась, какие-то претензии. Очевидно, сказалось расстройство из-за неожиданного звонка.

– Этого знать тебе, Игорь, не положено.

– Группа Болотова?

– Откуда ты знаешь про группу Болотова?

– А вот на этот вопрос я не отвечаю.

Старик, сглотнув от злости слюну, проглотил и это. Но сам факт такой прозорливости Игоря уже насторожил. Он понял, что сейчас он Службе необходим, и потому куратор так с ним нянчится. Если необходим, то дело там, на Урале, обстоит весьма серьезно. Настораживает и другой факт. «Выводят» туда работать не агента, который более обучен тонкостям политики и психологии человеческих отношений, умеет разложить по полочкам и профессионально классифицировать ситуацию, а его, офицера спецназа, боевика, диверсанта. Что это может значить? Во-первых, это может значить, что там предстоит серьезная мясорубка, где простому агенту со всеми его интеллектуальными достоинствами просто делать нечего – крошат и в крошку положат. Во-вторых, это может значить, что там требуются его личные связи, без которых Служба обойтись не может. Как, например, с Кордебалетом, который, оказывается, уже умер месяц назад. В-третьих, самый неприятный вариант: зачем-то Службе надо его подставить. Причем подставить так, чтобы он дров наломал, чтобы шум поднялся...

Старик поерзал в кресле, задумчиво поморщил и без того морщинистый, с сизыми прожилками нос, но сказать решился:

– Хорошо, ты и так, я вижу, много знаешь. Да, мы, слава богу, имеем теперь в своем распоряжении службу опытейших компьютерщиков, которые отслеживают многие сети и МВД, и ФСБ. Информация черпается в основном оттуда. Да-да-да, пресловутая служба Болотова... Содержать компьютерных взломщиков гораздо дешевле, чем сеть информаторов по всей стране.

«Сказал! – мысленно констатировал подполковник почти обреченно. – А не имел права говорить. Говорят только тогда, когда знают, что человек этот уже не сможет проболтаться». Он понял, что ему, по всей видимости, уже подписали приговор. За что – это неважно. Скорее всего, вообще ни за что. Скорее всего, его просто приносят в жертву великому богу Политической Интриги, каких-то высших и одновременно низменных интересов Службы.

– Конкретно, из какого источника получил информацию о Кордебалете и его матери Болотов? – Игорь не подал вида, будто начал что-то подозревать. Разговор вел деловой и лаконичный, настраивая на такой же и куратора. – Этого я совсем не могу знать. У меня доступ только к конечным файлам центрального компьютера. Дальше я не ходок – не знаю пароль.

Согрин кивнул:

– Верю.

Старик в ответ только коротко стрельнул глазами из-под бровей. Стрельнул чуть ли не затравленно, с обидой. Как-то так получилось, что Игорь «сломал» опытного куратора и разговор их больше стал походить на допрос обвиняемого прокурором. И это тоже говорило само за себя. Его – точно! – «втаскивают» в неприятную историю, и очень нуждаются по какой-то

причине именно в нем. Если бы его «туда» просто готовили, то заменить на кого-то можно было бы без проблем. Но другому там, по всей вероятности, делать нечего. Почему?

– Насколько точны данные о Кордебалете?

– Обычно они бывают точными.

– Это не ответ.

– Другого у меня, к сожалению, нет.

Согрин вздохнул:

– Хорошо, завтра я выезжаю. Не смею вас задерживать. Время уже позднее.

– За мной, вероятно, уже пришла машина. Должна внизу дожидаться.

Странно... Обычно за кураторами не посылают машины. Обычно кураторы должны быть тише воды, ниже травы, бледнее тени... Еще одно подтверждение?

И он решил попытаться добыть для себя подтверждение следующее:

– Еще вопрос, – спросил, когда куратор уже обулся. – Сумму вы мне выдали в долларах...

– Десять тысяч.

– Да. Почему не в рублях?

– В рублях это был бы целый чемодан. Так удобнее. И открывает, по нынешним временам, многие двери, в которые с рублями не войти.

– Ладно. Пусть доллары. Я сам не против. Как писать авансовый отчет? – Здесь и крылась подстроенная Согриным ловушка. – Я буду обменивать их на рубли по мере надобности. Но курс постоянно меняется... Мне что, в каждом обменном пункте брать справку?

– Нет, справки не надо. Просто пиши потраченные суммы в долларах. Так будет легче.

Все! Это уже окончательно! Ни одна финансовая часть не пропустит внутри страны такой авансовый отчет. Это подполковник Согрин знает точно, потому что не раз уже сталкивался с нудной для боевого офицера, но обязательной для командира группы необходимостью по составлению финансовых отчетов. Куратор – «иностранец», он не работал достаточно плотно с финансовой частью внутри страны. Его траты обычно списывались «на оперативные нужды». Не знает он нудных тонкостей...

– До свидания.

– Удачи тебе, Игорь.

Дверь закрылась. И хлопнула она, как дверь камеры, из которой вышел прокурор, оставив внутри осужденного. Там, в подъезде, Михаил Петрович нажал кнопку лифта. Двигатель сразу нутужно загудел, и противно завывли блоки, протягивая трос. Тоскливо завывли.

* * *

Игорь подошел к столу, проверил пистолет. Заряжен. На предохранителе. Сама форма оружия не слишком удобная для руки, больше привыкшей к пистолету Стечкина или к табельному «ПМ». Но преимущество в отсутствии обычного неудобного глушителя – ствол в «ПСС» сделан так, что гасит выхлоп газов. Кобура поясная, маленькая. Это хорошо. В дороге, где полно постов ГАИ, такой пистолет лучше возить на голени с внутренней стороны, куда подобная кобура легко крепится. Это наглый молодняк, если останавливают, обыскивают. А он – человек уже в возрасте, к нему отношение более лояльное. Тщательного обыска можно не ждать. Так, разве что документы проверят... Игорь взял в руки холщовый, явно не входящий в комплект с бронежилетом пакет. Сам бронежилет вытащил, а пакет, присмотревшись, понюхал. Вот в чем дело. Именно от пакета и идет этот мерзкий запах. Чистый формалин, которым покойников пропитывают, чтобы не воняли. Только они, пропитанные, воняют уже иначе. А ты тут... Воображение... Нервы... Откуда притащил куратор эту тряпку? Вместо носового платка ему самому бы ее использовать!

Что же предстоит? Как себя вести?

Необходимые справки навести все-таки следует. Полагаться на куратора не стоит.

Игорь прошел в дальнюю смежную комнату, включил компьютер. Он долго не мог выйти в Internet, хотя время было уже позднее и обычно в такие часы линии были разгружены, но в конце концов вышел и связался с web-узлом, адрес которого месяц назад дал ему генерал Болотов.

* * *

Тогда Согрин ездил по родственным делам в Москву. А какие в его годы могут быть родственные дела – тоже похороны, как и нынешняя предстоящая поездка на Урал. Настроение, понятно, неважное, и в Службу Игорь заходить не хотел. Но большое здание на Хорошевском шоссе так и тянуло его неведомой силой. И он сам не заметил, как оказался рядом, прошел, не торопясь, мимо, будто случайно.

– Игорь... – услышал за спиной.

Обернулся.

Из остановившейся «Волги», из-за руля, что само по себе уже редкость для московских чиновников, даже военных, вышел красноносый тяжеловесный генерал-майор с папочкой в руках, этой папочкой и помахал еще раз Согрину.

Он узнал. Болотов. Володя Болотов. Только, когда они виделись в последний раз, сам Согрин был капитаном, а генерал был еще только майором и занимал в Чите должность начальника дешифровального центра при разведывательном управлении округа. Круто в гору пошел. По слухам, доходившим до Согрина, тому были свои причины. Чисто бытовые. Развод с женой, новый брак на хромой дочери какого-то большого чина из управления кадров генштаба, и что-то еще в том же роде. Впрочем, в армии поболтать и осудить кого-то, пошедшего кверху, любят не меньше, чем в других местах. Может быть, это просто сплетни.

Они обнялись, как старые друзья.

– Сюда? К нам? – спросил Болотов, большим пальцем показывая на здание.

– Нет, просто мимо решил пройти. Сам не пойму, что тянет. Магнит натуральный, честное слово...

Засмеялся сам, понимая нелепость своего здесь появления. Непонятность и ненужность.

– А что же не зайдешь?

– А кто меня здесь помнит, кому я здесь сейчас нужен? Мои времена прошли.

Болотов несогласно и почти осуждающе покачал головой.

– Ну, брат, мы же не КГБ... Это их расшерстили, а нас пока не так трогают. Так что из старых волков кое-кто еще остался. Поседели, заматерели, но так же скалятся. Друзей давно минувших дней забывать нельзя.

– Ты, например, остался.

– И я тоже. Может, зайдём? У меня там коньячок хороший имеется. Как?

– Ну уж, если коньяк, отказываться грех... – развел Согрин руками и сам удивился. Он только что осознал, что пошел вот сюда, к зданию Службы, именно с надеждой случайно кого-нибудь встретить. Старого, хорошего знакомого. И встретил. Как наколдовал.

Пока оформляли пропуск, генерал терпеливо дожидался рядом, потом провел гостя через подвал в другое крыло здания, поднявшись на первый этаж, сразу за лестницей открыл дверь с кодовым замком, махнул рукой начавшему докладывать дежурному и провел в свой кабинет.

Кабинет просторный, как и полагается начальнику отдельной службы. Два компьютера.

– Зачем тебе два?

– Один в Сети, а на втором я, собственно, и работаю сам. К Сети его не подключаю, чтобы никто не влез. Интересные разработки есть... Это не то, что в старые времена. Когда над одной строчкой сорок шифоньеров работало, а толку, бывало, и не получалось... Помнишь?

– Помню... Что я могу помнить?... Знать мы, естественно, ничего не знали, но над твоей службой, признаюсь, дружно посмеивались.

– Все сейчас изменилось. И мы изменились.

– Да, живешь хорошо.

Болотов самодовольно, но добродушно заулыбался, только что по животу себя не погладил.

– Жаловаться грех. А я тебя, честное слово, прямо на днях вспоминал... – Генерал разлил граммов по пятьдесят коньяка в пузатые фужеры. – За встречу!

– Чин-чин!

Согрин потягивал коньяк маленькими глоточками, чувствуя разливающееся по телу тепло.

– А по какому поводу вспоминал? Или так просто?

– Не так просто. Тебе должно быть известно, что в мире вообще случайностей не бывает. Мне заместитель нужен.

Игорь развел руки.

– Ну какой из меня заместитель. Если бы ты в охранники меня пригласил, в телохранители, это я бы еще понял. А заместителем в техническую службу... У меня образования не хватит. Не потяну.

Генерал усмехнулся.

– Ты хоть знаешь, чем мы тут занимаемся?

– Нет.

Болотов объяснил. Не как офицер офицеру, чего он права делать, естественно, не имел, а как товарищ товарищу, которого достаточно хорошо знает и в котором уверен не меньше, чем в самом себе.

– Но у меня все чаще складывается впечатление, что ФСБ отлично знает о нашем существовании. И гонит нам по мере надобности «дезу». Менты попроще, мои ребята так к ним влазят, что подкопаться невозможно. А с этими работать – себя перехитрить можно. Это же только в книжках обиженных отставников – в Конторе никого дельного не осталось. На оперативной работе, может быть, не спорю. Оперативника за один день не вырастишь. А что касается технарей, то сейчас у них неплохая команда.

– А я здесь при чем? – Согрин не совсем понял исповедь генерала. Рассказывать такие подробности постороннему в Службе не принято. А если рассказывают, то с дальним прицелом.

– При том, что мне нужен заместитель со склонностью к оперативной работе. Чтобы мог проверять данные, которые мы получили. Короче, что-то вроде внутренней службы безопасности. Давай еще по одной... – Генерал разлил следующую дозу.

Предложение о возвращении на службу было слишком неожиданным, чтобы сразу дать на него ответ. Согрин так и сказал.

– А ты не спеши, подумай. Москва все-таки... Снова интересная работа... Тебе рановато еще отдыхать. Пятьдесят-то есть?

– Приближается.

– Вот. Еще и пятидесяти нет. А тут сразу звездочку добавим. И потом, начальник у тебя будет не самый худший. Это обещаю... Не то что у нас в Чите...

Оба усмехнулись при воспоминании. Начальник разведуправления округа генерал-майор Мирошниченко на два нормальных русских слова произносил три слова матом, а если разговаривал по необходимости со старшими по званию или должности, то, вследствие невозможно-

сти материться, предпочитал молчать. Иначе он говорить просто не умел и из-за этого терялся и конфузился, казался чрезвычайно косноязычным, порой даже начинал заикаться.

- Я сегодня вечером уезжаю. Как с тобой связаться?
- Ты с компьютером дружишь?
- Работаю. У меня свой.
- В Internetходишь?
- Каждый вечер. Вечера у меня свободные теперь. Впрочем, как и дни...

Генерал посмотрел хитро и чуть ли не испытующе, встал, прошелся в раздумье по кабинету, заложив за спину руки, отчего его великоватый живот показался совсем огромным, и, наконец, решился и достал из сейфа, откуда раньше доставал коньяк, компакт-диск и электронный ключ.

- Электронным ключом пользоваться приходилось?
- Нет, слышал только про такие хитрые штучки.
- Ничего здесь хитрого, простая микросхема стоит, и все. Важно только, чтобы она с принтером не конфликтовала. Но для конфликта нужен совсем экзотический принтер, которых у нас в России и не найти. Просто ставишь ключ на параллельный порт, а уже к нему подключаешь принтер. Что-то вроде дополнительной розетки. Понимаешь?

– Что тут не понять... Дальше.

– Дальше. Вот тебе CD-диск. Программа моя эксклюзивная. Не для Службы делал, для себя лично. Пока имеется у меня одного, ты второй человек. Может, еще кому-то близким людям дам. Для конфиденциальных разговоров. Это редактор-шифратор. Просто набиваешь в нем текст, он передаст его мне. Прочитать никто, кроме меня, не сможет. Понятно?

– Понятно. Куда сообщение посылать?

– Вот моя электронная почта... – Болотов взял из стопки чистый белый картонный прямоугольник размером с визитку, видимо, специально для записей и предназначенный, и написал адрес. – Прямо на начальника отдела посылай. Без фамилии. Можешь ставить категорию срочности при надобности. Если что, мне с узла перебросят на домашний компьютер.

– Эх, такую бы технику, да тогда... – с ностальгическими нотками протянул Согрин.

Они опять переглянулись. Вспомнили оба.

И в свою очередь Игорь оставил визитку, где указывался номер его электронной почты.

– Давай еще по рюмочке, и не буду тебя задерживать. Бог даст, свидимся и сработаемся...

Да и через компьютеры свяжемся, я думаю, не раз...

Связывались после этого они только раз. Болотов прислал маленький файл: «Слишком долго думаешь. Место занято. Сожалею. Привет».

Игорь, честно говоря, расстроился не слишком сильно. Ладно хоть, к тому времени он уже стал холостым, а то подобное его поведение привело бы к грандиозному многодневному скандалу. Сам он Москву, в отличие от многих, не любил за суету, толкотню, за постоянную, круглосуточную деловитость, когда нет времени остановиться и задуматься. Да и не слишком манила сама по себе предложенная работа. Это все-таки был не совсем его профиль. Там необходим человек со следственной жилкой, а он таковой не обладал.

* * *

Поставив компакт-диск, без которого программа не работала даже при подсоединенном электронном ключе, Согрин отстучал продуманное заранее послание с грифом «срочно». Компьютер шифровал долго, потрескивая процессором и мигая индикаторной лампочкой, и Игорь подумал, что по возвращении с Урала надо будет обязательно добавить оперативной памяти. До этого ему как-то вполне хватало на свои нужды 32 мегабайта. Но со сложной программой,

такой вот, как эта, когда вдобавок и времени в запасе не так много, чувствуется необходимость нарастить мощность машины. В первую очередь увеличить память хотя бы вдвое.

Он оставил компьютер включенным, ожидая ответа, который может что-то прояснить в ситуации или хотя бы дать нить, за которую можно уцепиться при анализе. А сам тут же усмехнулся. Нарастить мощность... Добавить память... Возвращение... А вот некие серьезные люди считают, похоже, что он возвращаться и не должен вовсе. Просто ни к чему ему возвращаться.

Но сам он хорошо знал, что быть овечкой «для заклания» не захочет. И если от него ожидают одного, он постарается сделать противоположное. Он сделает свое дело и вернется. Всем кураторам назло.

Глава 3

Игорь уже несколько раз с надеждой просматривал содержимое «ящика» электронной почты. Ну вот, наконец-то! Файл для него пришел. Расшифровывал компьютер так же медленно, с натугой, как и зашифровывал. Видимо, программа предназначалась для очень сильных машин, не для элементарно-бытовых. И вот поплыли первые строчки текста.

«Привет! Доволен, что ты вернулся на службу. Может быть, поработаем еще вместе. Я был бы этому весьма даже рад. Относительно твоего дела не могу сказать, что обладаю обширными сведениями.

Первое. Что-то ваш старый дурак напутал. У нас на центральном компьютере вообще не было сообщения о смерти Кордебалета. Это сообщение поступило только вчера. Действительно, Шурик умер в сумасшедшем доме. В отделении для буйных. Острая сердечная недостаточность. По нашим сведениям, про мать куратор сказал тебе правду. Звонить, естественно, она не могла. Источник данных – служба надзора ФСБ. «Деза» возможна. Я смог проверить дополнительно по картотеке МВД. Там сообщение подтверждается. Но, при умении, ввести туда данные несложно.

Второе. Есть косвенные свидетельства, что Кордебалет в течение последних восьми месяцев сотрудничал с местным управлением ФСБ. Дважды его за этот период видели посещающим ихнюю конспиративную квартиру. «Жучки» туда внедрить не удавалось. Варианты их совместной работы не прослеживаются – информации никакой.

Вообще у них в последнее время наблюдается непонятное оживление в деятельности Канторы. Известно, что туда были перечислены на научно-исследовательскую работу значительные средства. В связи с этим местные комитетчики работают с удвоенной бдительностью и строго контролируют всех выходящих на контакт чужих.

Будь осторожен. При надобности обращайся. Чем смогу, как говорится...

Привет!»

Вот и все сообщение. По-армейски краткое, хотя и не такое деловое, с внеуставными вольностями.

Только Согрину, естественно, не поверилось, что куратор напутал что-то со смертью Кордебалета. Несомненно, он сделал это умышленно. Но вот с какой целью? Неужели только лишь для того, чтобы заставить подполковника поехать? Но он ведь и так едет... Непонятно... Совершенно непонятно... Или это тонкий психологический ход, настолько тонкий, что куратор и сам запутался в попытках запутать его? Специальная подкачка нервной системы? Чтобы был заведен, как часовой механизм, чтобы настраивался на что-то серьезное?

Но вообще, путаница какая-то, чертовщина... Кто же звонил на самом деле, если Татьяна Павловна умерла? И еще более важный вопрос – зачем звонили?

Стоп! Стоп... Этот звонок может быть организован самим куратором. Чтобы послать Игоря туда. Чтобы наверняка послать. И тогда понятным становится такое скорое появление его здесь, в квартире. Он уже заранее был подготовлен к визиту, ждал только сообщения от самого Согрина. Дождался и появился...

Но... Не проще ли было естественным образом сообщить, что Кордебалет умер... Согрин все равно поехал бы. И к чему такие навороты? Ведь и так ясно, что Служба контролирует жизнь и смерть своих бывших и настоящих сотрудников...

Подготовить!.. Психологически настроить... Вот в чем дело! Если бы Согрин поехал просто на похороны, то все могло бы закончиться тихо и мирно, без эксцессов. Но тогда под каким соусом можно подполковника вооружить, как его настропалить на то, что там не все чисто?

Эх, Кордебалет, Кордебалет... Ты и после смерти не можешь отделаться от тягот и забот Службы. А ты ведь еще тогда, после первой своей операции, напившись вместе со всеми по

возвращении, сказал, что это – все, что это не для тебя, что ты не можешь так... Не те у тебя нервы, чтобы...

* * *

Начальник разведывательного управления округа оказался сильно занят – готовился приезд высокой комиссии из Москвы, и он метался в сомнениях, чей же портрет повесить в кабинете – начальника разведуправления ГШ или самого начальника Генерального штаба, хотя и не знал еще точно, кто же пожалует в гости в округ и кто из гостей может зайти в само управление. И вообще, начальник Генерального штаба генерал армии Куликов только недавно вступил в должность, сменив умершего старичка маршала Захарова, и его портреты политработники штаба округа еще не заготовили в достаточном количестве. Портретов могло не хватить, и это нервировало.

Здесь начальник управления, кажется, нашел приемлемый выход. Среди прикрепленных к управлению планшетистов из подчиненной части было два парня, закончивших перед службой художественное училище. Им он и приказал: «с высоким художественным мастерством» выполнить каждому по портрету с имеющейся фотографии. Но в мастерстве-то солдат генерал как раз уверен и не был, а следовательно, нервничал. Потому-то он не стал беседовать с прибывшими спецназовцами, а сразу послал младшего лейтенанта Кордебалета получать перекодировочные таблицы, а старшего лейтенанта Согрина, поскольку в это время в управлении не оказалось никого из офицеров диверсионного отдела, отправил в разведцентр за инструкциями.

Согрин не имел допуска на вход в шифровальное отделение и потому дожидался Кордебалета в тамбуре. Потом они уже вместе отправились в разведцентр. И там пришла очередь дожидаться Кордебалету, пока Согрина слегка вводили в курс дела. Слегка – это значит долго и нудно говорили об одном и том же, но ни о чем конкретно. Это раздражало, потому что походило не на подготовку, а на сплетничание. Полностью знать предстоящее событие здесь, разумеется, не могли, только несколько общих черт. Саму операцию разрабатывали московские сотрудники в Ханое. Но документы на всю группу выдали все же здесь.

От начальства зашли к местному шифровальщику. Капитан Толстой, в отличие от русского писателя, грузин по национальности, хотя такого же невеликого росточка, показал им одну строчку из перехваченной и расшифрованной радиограммы и послал их в дешифровальный центр к капитану Болотову, у которого еще что-то имелось, кажется, в наличии. Беготня, беготня, беготня... А конкретики мало.

Дешифровальный центр находился недалеко от вокзала в старинном и добротном особняке красного кирпича. Красноносый майор Болотов принял их радушно, плеснул по пятьдесят граммов вечного своего коньяка и провел в святая святых, в свое «капище» – машинный зал, где «сорок коробов» – стационарных электронно-вычислительных машин – гудели и занимались непонятным для непосвященного делом. Офицеры-электронщики в белых халатах не обращали на пришедших внимания. Конечно, посторонним вход сюда был категорически заказан, и Болотову, узнай о подобном приеме гостей в управлении, могло бы влететь, но Болотов сам, похоже, не слишком разбирался в собственной технике, хотя проработал с ней уже немало лет, и потому был уверен, что посторонний здесь вообще и никогда ничего не поймет.

Он достал из сейфа, где по традиции стопки папочек с документами мирно уживались с целой батареей коньячных бутылок, и показал еще несколько перехваченных радиограмм от одного и того же адресата, в которых прочиталось лишь отдельные слова. Они о чем-то специфическом долго советовались с Кордебалетом, обсуждали вариант применения разноточного шифра и еще какие-то варианты – Согрин ничего в этом не понял, но суэта и неорганизованность дела здесь, в глубоких тылах, начинала раздражать.

Скорей бы уж вылететь. И ждать там, на стартовой площадке базы. Там, когда спишь, положив автомат под подушку, ждётся гораздо и гораздо легче. Это проверено опытом. Там тоже устает от предстартового состояния, но там уже не будет суеты, там будешь чувствовать себя солдатом в окопе, который ждет команды, чтобы перепрыгнуть через бруствер.

* * *

Вернулись в часть измотанные бестолковой беготней по различным кабинетам и этажам, отделам, складам и даже зданиям, расположенным вдалеке друг от друга, мечтая только об одном – выспаться после трудной ночи и глупо потраченного дня. В общем вагоне поезда выспаться тоже невозможно. Но Согрин с Кордебалетом застали отдельную мобильную группу уже в полной боевой выкладке. Пока командир с шифровальщиком ехали поездом, пришла кодограмма с приказом к вылету. Не осталось времени даже для того, чтобы Игорю заскочить домой, предупредить жену. Кордебалет пока проживал здесь же, в части, просто не успел еще устроиться более капитально, и ему предупреждать было некого – молод и холост, и даже подружку в городке завести времени не хватило.

На бешено вибрирующем всеми бортами большом вертолете «МИ-6» их доставили в Баян-Хонгор, в Монголию, где военно-транспортный «АН-12» уже давно дожидался пассажиров. Командир экипажа, заложив руки за спину, нервно вышагивал перед своим самолетом и встретил их чуть не в штыки:

– Сколько я ждать могу?... Я не сам себе коридор назначаю... Это не по Монголии летать, там – Китай, и ракеты по всему пути... И истребители сопровождать будут... Еще, чего доброго, сесть из-за вас заставят... Нам же во времени уложиться надо...

– Успокойся, мы вылетели строго по приказу. Если тебя и держали, то не по нашей вине, – спокойно и вежливо улыбнулся Согрин. Он был в десантном комбинезоне без знаков различия, говорил уверенно и сразу на «ты» незнакомому майору. Тот «спекся» – кто его знает, в каком звании командир группы, и вообще с разведкой лучше не конфликтовать. Наживешь себе неприятности.

– Давайте грузитесь, – сразу успокоился майор. – побыстрее, если можно...

– Это можно, – кивнул Игорь и опять улыбнулся.

Он умел обезоружить улыбкой.

Посадку в самолет произвели моментально, потому что весь багаж несли на себе.

– Все, командир! Летим...

– Уже?

– Естественно. Газуй!..

...Но этот же багаж всего через несколько дней покажется им ой каким великим. Тогда они потащат его на себе через болота – где по колено, где по пояс, а кое-где и по грудь в воде, а ноги путаются среди корней вековой болотной растительности или вязнут в стослойной липкой тине, поднимающейся за спиной на поверхность. Каждый шаг – проверочный. После каждого можешь споткнуться и окунуться в грязную воду с головой.

* * *

Игорь вылил в рюмку остатки коньяка и помянул при этом куратора не слишком вежливым словом. Не от жадности, а только лишь от неприятия начальственного хамства. И выпил коньяк несколькими медленными мелкими глотками, ощущая вкус на корнях языка.

«Чтобы спалось лучше...» – сказал он себе.

Он долго и тщательно застилал постель, как любил делать, если знал, что предстоит командировка и неизвестно, когда придется еще спать в нормальных человеческих условиях.

Поглаживал рукой свежие простыни, выравнивал пододеяльник. Лег, но сон долго не шел, мысли снова возвращались то к Шурику, то к непонятному поведению куратора. Одно и другое представлялись ему полностью взаимосвязанными. Но если Шурик Кордебалет вспоминался еще живым и молодым, но в прошедшем времени, то взаимоотношения с куратором можно было оценить только во времени будущем, причем в будущем туманном, непонятном и недоступном пока для понимания из-за недостатка информации. Не нравилось Игорю такое будущее...

В одно мгновение даже пришла крамольная для офицера спецназа мысль: а что, если вообще не ехать? Ну – случается же – попереживал лишку, пенсионер все-таки, и перенес в жизни – не дай бог другому, вот сердце и прихватило... Разыграть сердечный приступ, имея определенные навыки в саморегуляции организма, не слишком сложно. И настроить себя соответствующим образом он сумеет, чтобы заметно для врачей «Скорой помощи» поднять давление...

Но он быстро отбросил сомнения. А как же Шурик... Проводить Шурика в последний путь он просто обязан. Их дружба кровью скреплена. Тем более что действительную смерть Кордебалета подтвердил и сам Болотов. Значит, проводит обязательно, больше ведь и некому. А там – будь что будет.

А что, собственно говоря, будет? И будет ли вообще что-нибудь? Ведь если бы дело было завязано на его личности персонально, если бы он кому-то понадобился, то «достать» его могли бы и здесь, в Самаре. Вообще-то, если разобраться, опыт подсказывает, что не так страшен черт, как его малюют. То, что старому пердуну куратору, протирившему всю свою заграничную службу штаны в кабинетах, кажется невозможным и невыполнимым, для Согрина – подполковника спецназа, может оказаться пустяком. Сколько уже таких случаев было в его боевой практике... Однажды в Африке вшестером даже государственный переворот сделали, хотя приказ был только заварушку устроить и показать местному правителю, что не все с ним согласны, что существуют и какие-то мифические партизаны. А потом предстояло партизан еще и организовать. Но настоящих партизан-то, с которыми и начали сразу сотрудничество, которые и «заказывали» спецов из Москвы, оказалось всего полтора десятка. Их после переворота и посадили править... А ведь по первоначальному варианту казалось, что дело это совершенно невозможное.

А тут... Внутри своей же страны...

Хотя здесь, возможно, и кроется самая большая сложность. Это там можно себе позволить много такого, за что с тебя потом никто не спросит. А здесь *для большинства людей* существует еще и закон. И методы работы здесь должны быть совсем иные.

* * *

В половине шестого Игорь проснулся. Он «заказывал» себе именно это время. Армейская привычка плюс метод саморегуляции, которому их долго и упорно обучали и все-таки обучили. В теории это называется «методом ключа», когда человек дает команду подсознанию, а оно, как хорошо известно, никогда не испытывает надобности во сне, и подсознание свое дело делает почти всегда точно.

А обучали их, естественно, не единственно с целью вовремя пробуждаться. «Ключ» сам по себе может многое. Это больше, чем самогипноз, чем аутотренинг. Тот же Кордебалет почти не чувствовал боли, когда ему в Никарагуа без наркоза вытаскивали пулю из плеча. Он «заблокировал» с помощью подсознания болевые ощущения, и во время самой операции – Согрин смотрел Шурику при этом в лицо – даже зрачки его реакции не показали. А реакция зрачка – врачи и военные это хорошо знают – вернейший показатель присутствия боли. Человек может

усилием воли не показывать свою боль, но зрачок будет реагировать. У Кордебалета тогда боли не было.

«Ключ» бывает незаменим на марше, когда в короткие минуты привала за пятнадцать минут позволяет человеку выспаться так, словно он спал полноценные шесть часов – расслабиться полностью и выспаться. Да и еще существует множество вариантов применения такого мощного внутриорганизменного оружия. Даже раны быстрее затягивать можно. А наиболее талантливые, наиболее восприимчивые к «ключу» люди за пять минут могли вывести с лица синяк или убрать ссадину так, что даже шрама не оставалось.

Игорь старался не забывать уроки службы и хотя бы три раза в неделю выделял время для тренировок в «ключе». Точно так же, как физической зарядке.

Сейчас он зарядку сделал интенсивную, чтобы полностью прогнать остатки сна. Предстояла дальняя утомительная дорога, скользкое весеннее шоссе и невеселые мысли о предстоящем прощании с другом – и при всем при этом следовало сохранить бодрость и ясность сознания и постоянное внимание, чтобы не разочаровать куратора и доехать живым и здоровым, без дорожных неприятностей.

По-армейски быстро собравшись, плотно позавтракав, потому что когда и где придется в следующий раз перекусить – неизвестно, он отправился в гараж с тем, чтобы потом заехать за сумкой с вещами и попросить соседку, которая к тому времени должна уже проснуться, чтобы проследила за квартирой. Соседка частенько бросала на Игоря томные взгляды одинокой ласковой кошки, что, впрочем, не слишком тешило его самолюбие, и Согрин был уверен, что в такой малости она ему не откажет. Можно было бы попросить о том же сына, как делал это раньше, когда уезжал, но после вчерашнего резкого разговора звонить тому не хотелось.

Ночью слегка подморозило, и машину пришлось несколько минут прогревать. Вообще в последнее время ею пользовался больше сын, катал своих студенточек-однокурсниц, каждый раз новых. За всю зиму Игорь только в начале декабря в последний раз сел за руль, а больше даже в гараж не заглядывал. И машину сын, как сразу почувствовал Игорь по звуку двигателя, слегка запустил. Пришлось забраться под капот, проверить уровень масла. Так и есть, ниже предела. Вот бы заклинило двигатель в дороге... Хорош бы был подполковник спецназа, отправившийся в путь, не проверив транспорт, и застрявший где-то на полпути.

Он проверил все. И только в половине девятого, заправив полный бак и залив дополнительно канистру, подъехал к дому.

Соседка, как он и предполагал, уже проснулась, моментально открыла на его звонок дверь, представ в соблазнительном, умышленно небрежно запахнутом на груди шелковом халате, и очень просила его зайти к ней в квартиру, хотя бы кофе выпить.

– Я растворимый не признаю. Сама поджариваю, сама перемалываю... Обещаю, что мой кофе вам долго еще вспоминаться будет...

Но он только вздохнул: «времени в обрез», и ловко вывернулся из расставленных сетей.

– Надолго уезжаете-то?

– Несколько дней. Товарищ умер... Служили вместе... Похороним, и вернусь...

– Самолетом?

– Поездом, – зачем-то соврал он. По привычке, скорее всего, к маскировке.

– Билет купили?

– Нет еще. Вчера вечером только позвонили, сообщили. Да сейчас – не сезон, сейчас с билетами проблем не бывает. Проходящих-то много, на какой-нибудь да сяду... Лишь бы побыстрее...

В просьбе она, естественно, не отказала, но ключи он ей оставлять не стал. Пусть просто присмотрит, а если что – мало ли, трубу водопроводную прорвет, унитаз взорвется – терроризм штука ныне модная! – или еще что-то такое, пусть сыну позвонит. И оставил телефон сына.

Согрин не подозревал, что, как только закрылась за ним дверь, соседка набрала телефонный номер хорошо знакомой ей службы ФСБ и сообщила, что «объект» выезжает поездом на похороны товарища по службе...

Сумка стояла собранная, Игорь быстро и привычно приладил на левую голень с внутренней стороны – как раз под правую руку – кобуру с пистолетом. Вся разница между тем, как он это делал раньше и как теперь, состояла в том, что раньше кобура, а чаще вместо кобуры ножны, пристегивалась поверх штанины, сейчас же – под нее. Шесть патронов в обойме, один – в патроннике. Так огневая мощь увеличивается на один выстрел. В кармашке кобуры разместил запасную обойму, оставшиеся патроны рассовал в скрытый патронташ на внутренней стороне пояса брюк. Уже собравшись выходить – только куртку осталось надеть, остановился. Словно что-то толкнуло его, за руку дернуло, напомнило. Он знал, что это такое – привычка почти ностальгическая, привычка, которая никогда уже не оставит его. Захотелось взять с собой на всякий случай и нож. Инстинкт диверсанта. Это разведчик-агент, если и носит с собой оружие – что вообще-то само по себе редкость, то только минимум его. А диверсант, отправляясь на задание, стремится вооружиться на любой непредвиденный случай – до ушей обвешивается оружием, большая часть которого может и не понадобится.

Игорь, не разуваясь, прошел в дальнюю комнату и открыл металлический ящик-сейф, какие, согласно федеральному закону, положено иметь даже охотнику для хранения оружия. Достал знаменитый, любимый всеми спецназовцами и прошедший с ним несколько операций диверсионный нож-мачете «бобр». Этот нож можно положить открыто в машине. На него не надо разрешения.

Пора! Игорь официально приступил к выполнению задания. Он не в той Службе служил, где дают расписаться в письменном приказе. Здесь само по себе вручение ему пистолета «ПСС» уже является формой приказа. И он хорошо знает, что бывает с сотрудниками, которые в случае каких-то неприятностей с милицией пытаются доказать свою причастность к Службе... Нет, это недопустимо. И если его, предположим, задержат, он должен проявить свои качества офицера-боевика, который никакому ОМОНу, где тоже ребята не промах, а уж тем более гиббдовцам – не по зубам. И милицейская сводка в этом случае будет доведена до всего личного состава. Уничтожение милицейского поста вызовет за собой операцию по перехвату «неустановленных преступников». Он же должен остаться «чистым». Именно поэтому в отдельном целлофановом пакете хранятся у него документы. И с его фотографией, и с чужими. Чужие специально для того, чтобы нечаянно забыть, скажем, водительские права в руках убитого милиционера. И права должны быть обязательно залиты кровью. Так естественнее... Пока кровь отмоют, пока начнут рассматривать фотографию и запустят ее в тугодумный милицкий компьютер, пока начнут искать того, другого человека, который давно уже, много лет назад канул в небытие, сам он, подполковник Игорь Алексеевич Согрин, морщась от неприятных воспоминаний и чувствуя угрызения совести, будет уже далеко и приступит к выполнению задания, суть которого он и сам толком не знает.

Но лучше избежать всяких осложнений и добраться до места следования без лишних приключений...

Глава 4

Утро было слегка туманным, хотя предыдущий день являл собою мартовскую яркость и радость и ожидалось, хотелось ожидать, что следующий будет таким же.

«Может, еще разгуляется...» – думал Игорь, глядя на небо через мутноватое стекло своих «Жигулей» шестой модели. Небо сквозь туман проглядывалось едва-едва, и трудно было определить, насколько оно затянуто облаками и надолго ли эти облака зависнут.

Погоды хотелось посветлее, и уж совсем не хотелось этого тумана, в котором не так и трудно влететь на скорости, на которой ехал он, куда не следует. И желтые противотуманные фары не спасут. Надвинется откуда-то, скажем, громада грузовика, так быстро надвинется, что и среагировать не успеешь, не успеешь сообразить, в какой кювет тебе свернуть, если свернуть вообще можно.

И все же он гнал машину, стремясь побыстрее преодолеть ту необходимую тысячу километров. Его ждал Шурик Кордебалет, его ждала неизвестность, и эти два понятия – одно понятие товарищеского долга, другое понятие Службы и судьбы спецназовца – подполковника Главного разведывательного управления, они объединились, они требовали от него немедленного реагирования, конкретного приложения сил, которым в настоящий момент и являлась высокая скорость передвижения, напряжение скользкой трассы и туман.

Он ехал и не знал, что, не найдя его на вокзале, тщетно прождав у железнодорожных касс, продежурив напрасно на перронах и в подземных переходах под железнодорожными путями, некие люди метались, ругались, обвиняли друг друга. И даже пытались то предпринять розыски в аэропорту, то начинали разыскивать его в самой Самаре, думая, что он задержался здесь по какой-то надобности. И даже к куратору приставили постоянный и откровенно-наглый «хвост», надеясь, что старик занервничает и попытается выйти на связь с самим Согриным, попытается и его предупредить и предостеречь. Эти люди привыкли действовать сверхсложными и сверхтехнологичными методами, но результата это не дало. А потом молодой и неопытный сотрудник сдуру взял и позвонил сыну Игоря. Сына дома не оказалось, но бывшая жена на вопрос – как найти подполковника Согрина – ответила сразу и не скрывая, что Игорь Алексеевич на автомобиле уехал в другой город на похороны товарища. Они поняли, что проигрывают во времени. Попытались что-то сделать, что-то предпринять, но сам подполковник Согрин в это время уже проехал маленький клин Оренбургской области и подъезжал к границе с Татарией, так и не расставшись за все время пути с туманом, таким одинаково нелюбимым всеми водителями, но в данном случае прячущим Игоря от ненужных соглядатаев. Задержать его отъезд на сутки или дольше, как было приказано, уже не представилось возможным. Можно было, конечно, организовать и дорожно-транспортное происшествие где-нибудь в Башкирии или еще дальше. Но договориться об этом по телефону очень сложно, пришлось бы вводить в курс дела уфимских коллег. Тем более что такого резкого и конкретного приказа не поступало. Брать на себя ответственность никто не захотел. Была послана срочная шифротелеграмма в Москву, откуда приказ о задержании отъезда на «некоторое время» и приходил, но ответственный сотрудник, который приказ готовил и держал в руках основные нити большой и сложной игры, исчез. То есть он не совсем исчез, он просто отправил жену в командировку и потому решил обмыть это событие с подругой в бане на даче. И никого из сослуживцев об этом, естественно, не предупредил, чтобы не «заложили». Вот его и не нашли, и шифротелеграмма, таким образом, осталась вовремя недоложенной.

А ничего этого не подозревающий Согрин в то же самое время, заметив в рассеивающемся тумане невдалеке пост ГАИ и остановившиеся возле поста для проверки автомобиля, вовремя перестроился во второй ряд и проехал пост за длинным бортом автопоезда «Вольво».

Таким же образом он обошел недавно еще один пост, на выезде из Самарской области. И пока успешно продвигался к конечному пункту.

К туману он уже почти привык, втянулся в него, как спортсмен-борец втягивается в схватку – чувствует нелегкое сопротивление и преодолевает его, постепенно осваиваясь на ковре и зная, что следует делать при следующем движении противника. В один момент Игорь даже попытался пристроить на голову довольно миниатюрные в сравнении с отечественными английские прибор-очки ночного видения, но прибор мешал вести машину – ко всему нужна привычка, даже к самым современным технологиям, – и пришлось его снять.

И всю дорогу его не оставляли мысли о Шурике Кордебалете. Ведь они встречались только год назад. И тогда все у парня было почти нормально, если не считать естественной нервозности, вызванной недавней командировкой в Чечню. А в целом – никаких отклонений и вылетающих из обыденности проблем. Общие проблемы всех спецназовцев Игорь вообще не брал в счет. Они и преодолеваются общими методами.

Может быть, случись такое с кем-то другим из бывших сослуживцев, Согрин так и не переживал бы. Вместе с ним принимало участие в различных операциях немалое количество офицеров. Все они разные. И в каждого, кто входил в его подчинение, приходилось вкладывать частицу себя. Но не столько, сколько вложил он в Шурика. Шурик вообще стоит в этом смысле среди всех особняком. Он резко отличался интеллектом и интеллигентным воспитанием среди других офицеров. А интеллект всегда заставляет человека задуматься, проанализировать свои действия. Есть люди, которые думают левой половиной мозга. Эти лучше поддаются командам, и ими проще управлять. А те, кто думает правой половиной, как правило, всегда склонные к самобичеванию и комплексам. Шурик был из правосторонников. И тем интереснее, хотя и сложнее, было пользоваться у него авторитетом. И Согрин им пользовался. Он сумел показаться Кордебалету таким, каким хотел казаться. Парень пришел на эту службу добровольно, пришел, вначале думая, что здесь присутствуют романтика, подвиг, приключения. Да, хватало в их жизни всего, кроме романтики. И когда Кордебалет чуть не сломался психологически после первой же операции, Согрин сумел приоткрыть ему теневую сторону их службы, как трагическую в чем-то, но необходимую. Да, трагизма здесь много, но именно они берут на себя неблагодарную роль, добровольно берут. Осуждают ортодоксы Иуду за предательство Христа. Но кто знает, не был ли тот самый поступок подвигом. Ведь если бы не Иуда, то не было бы и самого распятия. Может быть, Иуда и в самом деле был у Христа любимым учеником, может быть, Христос и попросил Иуду предать его, но так, чтобы никто не знал. Ведь только через распятие Христос и смог выполнить свою миссию на земле. А Иуду за этот подвиг проклинали уже два тысячелетия.

Трудная, жесткая и жестокая работа спецназовца ГРУ. И не часто за нее дают в мирное время награды. Но она необходима. Спецназовцы берут на себя то, что не по силам другим. Каждый боец – супер. Не просто супербоевик, таких полно, но суперчеловек. Человек, способный взять на себя такое, что другим не по силам. Психологически взять – это умеют исключительные единицы.

* * *

Ханой встретил их тропической жарой, липким удушьем, свойственным периоду окончания сезона дождей. Ощущение создавалось, что все вокруг должно сейчас расти, как в парнике. Новые побеги на деревьях. Стены, полы и потолки в домах казались похожими на ухоженные грядки. Взмокшая одежда липла к телу, и казалось, что ты уже сорок лет не мылся, сам в грядку превратился и тоже скоро прорастешь неведомыми и яркими побегами. Кривые низкорослые улицы и убого слеplенные дома северовьетнамской столицы напоминали все города Юго-Восточной Азии, знакомые по кадрам кинохроник. Ни один киножурнал ни в одном кино-

театре СССР в те годы не обходился без кинохроники о вьетнамской войне, на худой конец, без кадров о Камбодже или Лаосе.

Лица горожан здесь казались стандартно-одинаковыми, непроницаемыми и неподдающимися пониманию. Люди, с которыми пришлось контактировать, улыбались, но за улыбкой невозможно было понять сущность их отношения к тебе.

Так же улыбался и Тан, с которым познакомились в первый же день по прилете. Отдельную мобильную группу не стали расквартировывать в воинской части, как планировалось еще в Чите. Александр Иванович Лифшиц, генерал-разведчик, похожий на вьетнамца ростом и цветом волос, но имеющий голос Левитана, непонятно какую должность исполняющий в посольстве, хотя официально и числился при пресс-секретариате, внешне был на момент приезда группы очень зол и очень занят. Поздоровался с Согриным, которого уже знал по предыдущей операции, проводимой полгода назад, на группу даже не посмотрел и сразу позвонил по внутреннему телефону, резко пригласил кого-то подняться к нему.

Пришедший оказался традиционно мелким, непонятного возраста – то ли мальчик, то ли зрелый муж – вьетнамцем в военной, но без знаков отличия, а потому считающейся гражданской одежде. Представился по-русски, которым владел свободно:

– Капитан Тан, – и по очереди, с восточной вежливостью пожал руки всем членам отдельной группы. И неясно было, Тан – это кличка или фамилия.

– Поступаете в его распоряжение, – сказал Александр Иванович. – До особого распоряжения... Следуйте за ним. Я часа через два подъеду. Некогда... Некогда сейчас... – резко добавил он в ответ на вопросительный взгляд Игоря. – Тут такое творится...

Тан вывел группу во двор, где их дожидался старенький автобус «ЛиАЗ» с фанерными листами вместо нескольких выбитых стекол. Сам сел за руль.

Они ехали через город, когда началась бомбардировка. Самолеты сначала пронеслись над жилыми кварталами низко, но на сверхзвуковой скорости, отчего в автобусе оставшиеся стекла готовы были вылететь, а у людей создалось впечатление, что под кожей пробежали куда-то целые орды бешеных и по-ослиному ревущих тараканов.

А потом самолеты начали с высоты поливать город ракетами – заход за заходом.

Игорю казалось, что во время бомбардировки народу на улицах добавилось. Люди начали бегать, чуть не под колеса автобуса бросаться, вместо того чтобы спрятаться в тут и там вырытые специально для этой цели щели. Бомбили американцы не столько сам город, сколько его население. Шариковые бомбы, запрещенные международными конвенциями, не несут больших разрушений, но поражают людей.

Тан только добавил скорость и остановиться не пожелал – восточный фатализм. Он лавировал среди узких улочек, с трудом избегая столкновения с каждым новым углом при каждом новом повороте, едва-едва не наезжая то на бегущего человека, то на велосипедиста, почему-то тащившего велосипед на себе, то еще на кого-то... Автобус скрипел и стонал, словно молил о пощаде. Но не кончилась еще бомбежка, когда он подкатил к воротам двора с высоким бетонным забором, за которым виднелся аккуратный двухэтажный дом, и трижды посигналил.

Ворота открылись моментально, словно их здесь давно и нетерпеливо дожидались. Как потом оказалось, так и было на самом деле. Генерал Лифшиц, несмотря на занятость, нашел время позвонить и предупредить.

– Здесь будем жить. Пока... – сказал Тан и вежливо улыбнулся. – Второй этаж для вас.

Он так и сказал: «будем», а не «будете», и из этого Игорь понял, что Тан прикомандирован к группе в качестве проводника и сопровождающего. Да и вообще трудно было предположить, что капитан вьетнамской армии, прекрасно владеющий русским языком, приставлен к ним только для исполнения роли квартирьера или переводчика. Только вот с какими полномочиями будет Тан входить в группу? Скверно, если он будет иметь право командирского

голоса. Командир в отдельной мобильной группе может быть только один. Тем более в операциях спецназа.

Но это решать все-таки генералу. А пока следует расположиться так, чтобы соблюсти максимум удобств, потому что скоро этих удобств очень захочется, но найти их будет нелегко.

Верхний этаж состоял из семи комнат. Игорь выбрал себе самую маленькую и подсел к себе Кордебалета. Все-таки шифровальщик в группе лицо несколько привилегированное, и ему по статусу полагается отдельный кабинет, в который, кроме командира группы, никто не имеет права входить.

Из мебели в комнате был только стол, три стула и две обыкновенные русские раскладушки с матрацами, подушками и одеялами, сохранившими штампы воинских частей и инвентаризационные номера – социализм невозможен без учета.

Игорь только сел на раскладушку, проверяя ее легким раскачиванием, когда в комнату вошел Тан.

– Товарищ генерал приедет через двадцать минут. Будьте готовы. Состоится инструктаж. После этого следует отдохнуть. Сегодня ночью вылетаем.

Его птичий голос несколько смешил, и раздражал, и при этом совершенно не позволял принять капитана всерьез. Но своим сообщением Тан подтвердил мнение Игоря о том, что вьетнамец идет на задание с ними.

– Высадка какая? Вертолет?

– Десантирование с самолета. Со ста метров...

Игорь поморщился. Спортсмены-парашютисты, у которых и парашют куполом поболее, мастера и прочие асы парашютного спорта не понимают, как можно с такой высоты прыгнуть и не разбиться.

– Тан, – спросил Игорь, – ты сколько раз прыгал с парашютом?

– Три раза.

– А со ста метров?

– Не пробовал.

Это вообще убивало наповал. Группа в самом начале операции рисковала остаться без проводника на вражеской территории. Три прыжка – это, по-русски говоря, вообще ничего. Это отсутствие всякой прыжковой практики. А тут еще и десантирование со стометровки. Попали в ситуацию. И прямо как с разбега – задом в лужу.

Игорь не удивился невозмутимости самого вьетнамского капитана. Еще во времена курсантские – в Рязанском училище ВДВ – к ним прислали для двухнедельной стажировки трех вьетнамских офицеров. Курсантов повели в бассейн. Вьетнамцев тоже. Прыгали с вышки. Один за другим. Вьетнамцы тоже. Двое выныривают, третий – нет. Выловили его. Сделали искусственное дыхание. Откачали. «Что случилось?» – спрашивают. Плавать не умеет. А зачем тогда прыгал? Приказ был! Вот так... А если этот капитан тоже идет на задание «по приказу»? Сколько возни с ним предстоит. А тут еще принудительное раскрытие.

Приехал генерал Лифшиц с человеком в штатском, который даже не пожелал представиться. Немигающий взгляд мутных, в красных прожилках глаз сквозь очки с мощными линзами. Этот взгляд неприятно действовал на нервы и мешал сосредоточиться. Короткий инструктаж затянулся на три с половиной часа. Ребята в это время отдыхали. Кордебалета Игорь отправил на оставшуюся свободной раскладушку Тана. Едва ли кто настроился в такую жару уснуть, но хотя бы ноги смогли вытянуть, расслабиться.

А они вчетвером все беседовали и беседовали. Обсуждали детали. Тан больше молчал, а вопросы задавал Игорь.

– А почему высадка не с вертолета?

– А чем вам не нравится самолет? – незнакомец отвечал вопросом на вопрос. Видимо, прыжковый вариант принадлежал ему и он цепко, как за свое самолюбие, за него держался.

– Вы знаете, что такое стометровое десантирование? Ладно, мои ребята... Они привычные. Хотя это и для них не подарок. Особенно для тяжеловесных. А капитан Тан вообще имеет только три прыжка. И ни одного со стометровки. Без подготовки, по сути дела, идет человек. Пятьдесят на пятьдесят. Понимаете, что это такое?

– Все вы офицеры и выполняете приказ.

Этим было все сказано. Как отрезано.

– Команда может быть дана и на прыжок без парашюта. Это только вариант срыва задания.

– Попрошу вас выбирать выражения.

Подходящее русское слово вертелось на языке, но произнести его Согрин не решился. Привычка к подчинению взяла свое.

– Тут есть свои причины... – тяжелым баском генерал Лифшиц попытался смягчить ситуацию. От недавней торопливой злости он отошел. Впрочем, Игорь уже знал, что Лифшиц вспыскивает, и начинает злиться, и становится вдруг добрейшей души человеком всегда одинаково быстро. Такой уж темперамент. – Район контролируется американской авиацией. Там недалеко Комтум, где крупная авиационная база. И летать у них под носом вертолету рискованно. Самолет же на бреющем успевает долететь и вернуться.

– А обратно забирать?

Игорь осмотрел своих командиров.

Глаза за линзами плеснули льдом и морозом, словно человека раздражало желание Согрина вернуться обратно. Лифшиц был более спокоен и доброжелателен.

– Обратно забирать будут вертолетом, но тот вертолет полетит через Лаос. Над территорией Лаоса его будут сопровождать, а потом и встречать наши истребители.

– Если вертолет не прилетит?

– Прилетит, – прошипел очкарик с обаянием вьетнамской желтой кобры – тоже змея очковая. – Успокойтесь и не бойтесь, вы же солдат...

– Район контролируется американцами. Надо отследить все варианты. – Игорь еле сдерживался в рамках холодного приличия, но разговаривать стал исключительно с Лифшицем, словно второго не было здесь вовсе. Тот сразу это почувствовал и – заметно было – занервничал.

– Игорь Алексеевич, – Лифшиц сохранял присущую должности невозмутимость, так непохожую на его поведение утром, когда они прилетели, – не мне тебя учить, как вести себя в экстремальной ситуации. Если что случится с вертолетом, значит, судьба – автономный режим... Выходите своими силами. Мне кажется, тоже лучше через Лаос. Но там могут быть свои осложнения. На этот случай с вами капитан Тан. Он отлично знает местные условия.

Игорь понял, что вопрос об экстремальной ситуации вообще местными спецнами не прорабатывался. И в случае чего – их оставляют на произвол судьбы. Умеешь плавать – выплывай, не умеешь – тони на здоровье...

– А почему нельзя все-таки сразу забросить вертолетом через Лаос?

– Этому есть свои причины, – сказал очкарик, но Игорь сделал вид, что его не услышал, и продолжал смотреть, в ожидании ответа, на Лифшица.

Лифшиц прочувствовал ситуацию. И опять поступил не по-генеральски, ответил спокойно:

– Появление русского вертолета в этом районе Лаоса может спугнуть людей, которых вы собираетесь встречать. И они изменят маршрут. Там они контролируют наземную ситуацию, и они как раз могут доставить вам неприятности при отходе через границу.

– Что это за люди?

– Они не подчиняются ни центральному правительству, ни партизанам. По крайней мере, так говорят в самом лаосском правительстве. Там – на этом участке – большие плантации наркотиков...

– Ясно. Где парашюты?

– Они уже приготовлены. Вам выдадут перед полетом. – Незнакомец с глазами за линзами все же хотел показать, что и он хоть что-то здесь значит.

– Вы что, издеваетесь? – С трудом сдерживая готовый сорваться голос, Игорь посмотрел на него, как на дурака. – Покажите-ка мне того десантника, который будет прыгать на парашюте, свернутом другим человеком. Похоже – вы первый день в армии? Короче, так... Парашюты предоставить немедленно. Мои люди будут укладывать их сами, каждый для себя. И это даже не обсуждается!

– Сделайте так, – не по-военному сказал очковой змее Лифшиц. – Он свое дело знает. Он прав...

Гости ушли. На прощание очкарик переглянулся с Таном, словно кивнул ему глазами. Игорь заметил это.

– Что это за тип? – спросил он вьетnamца, когда стих гул автомобильного двигателя за воротами.

– Это ваш... Товарищ Лисовский из вашего торгпредства... – Тан смотрел невинно и честно, невозможно и почти по-дурацки улыбался.

А Игорь подумал меж тем, что хотел бы увидеть торгпредство в любой стране, где каждый второй сотрудник не работает на какую-то спецслужбу...

* * *

Прошло все чуть легче, чем предполагал Согрин, склонный доверять не героизму, а умению и тренированности. Выбрасывались один за другим. На самом рассвете. В туман, ключьями зависший над заболоченной равниной. Первыми – самые тяжелые по весу, чтобы не сели на купол парашюта предыдущего. Вьетнамскому капитану предстояло прыгать последним – очень уж легкий. Игорь попросил бортмеханика присмотреть, чтобы у Тана карабин был пристегнут к лееру, и в случае чего дать хорошего пинка вьетнамскому капитану, дабы летелось легче и лучше планировалось.

Каждый выбрасывался с дополнительным грузом – запас продуктов на длительный рейд, снаряжение, боезапас. Прыгаешь, летишь вниз головой, чувствуешь, как тебя, словно рука великана мальчишку, воздух хватает за шиворот и поднимает в вертикальное положение – это парашют раскрылся. И тогда бросаешь свой груз. Он прикреплен к поясу пятнадцатиметровым шнуром. Поэтому приземляется раньше тебя. И это чуть смягчает последние метры твоего жесткого и стремительного – а порой, что уж греха таить, смертельного – полета.

Скорость у самолета минимально допустимая, и потому район приземления группы невелик. Единственная неприятность, как Игорь и полагал, пришла со стороны вьетнамского капитана. Смелости для прыжка Тану хватило, и даже карабин за леер не забыл защелкнуть – хладнокровный, и пинка бортмеханику ему давать, похоже, не пришлось – не задержался ни на секунду. Но, выпрыгнув, Тан чуть-чуть растерялся и сразу же – не дождавшись полного раскрытия собственного парашюта – выбросил или же нечаянно уронил груз, который вскользь угодил в только еще раскрывающийся купол парашюта Кордебалета. Сам Тан говорил потом, что просто уронил тук. Но в этом случае он бы обогнал груз в падении. А чтобы тук летел быстрее, чем Тан, его следовало сильно толкнуть. Или умышленно, или же истерически. У Кордебалета запросто в такой ситуации могли перехлестнуться стропы. А запасных парашютов при стометровых прыжках за ненадобностью не держат. Шурика действительно спасло чудо – резкий порыв ветра, который груз сбросил и дал возможность его парашюту раскрыться. Когда

Кордебалет с наигранным смехом, хотя и с несколько бледноватым лицом рассказывал об этом уже там, на земле, после общего сбора на ближайшем каменистом холме, Согрин быстро принял решение о взаимоотношениях группы и прикомандированного. И тут же высказал прямо в лицо вьетнамцу – случись что с Шуриком, он пристрелил бы Тана на месте. И плевать, что тот проводник. Добрались бы по карте. Такая откровенность должна была показать сразу, что здесь командует только один старший лейтенант Согрин. И он не очень доверяет проводнику, хотя тот и носит воинское звание. И работает, скорее всего, во вьетнамской, потому что ходит постоянно в гражданской одежде – обычная привилегия и мера безопасности.

Капитан Тан чуть заметно побледнел, но нашел в себе силы, как всегда, непонятно улыбнуться и извиниться перед Шуриком. Восточная мудрость! И никто посторонний не поймет, что за ней кроется в действительности – искренность или назревающая неприязнь.

Параюты сразу же утопили в болоте, Согрин выбрал азимут, не спросив проводника, чтобы сразу показать ему, что при случае они смогут работать своими силами, без сопровождающих и прочих.

– Вперед!

– Осторожнее, здесь могут быть мины, – предупредил Тан. – Раньше недалеко базировалось большое партизанское соединение. Их отсюда вытеснили, но тропы оставили заминированными. Местные жители часто взрываются на них.

– А кто же ходит тропами? – наивно поинтересовался Игорь. – Где ты видел такой спецназ...

Тан опять ответил азиатской непонятной улыбкой.

– Дело в том, что на отдельных участках без троп пройти вообще невозможно. Не каждый лес и не каждое болото проходимо. Или надо искать лодки. В деревне это сделать можно.

– Обойдемся. Лодку хватятся. Пока есть возможность, себя лучше не обнаруживать. Деревни местные как – лояльны?

Тан покачал головой и по-комариному пожужжал, что должно было, по его мнению, обозначать довольно сильное сомнение.

– Только некоторые. В основном здесь деревни богатые. И родственно-племенные связи с Сайгоном. Они не хотят соединения двух Вьетнамов под северной властью.

– Тем более не стоит им показываться на глаза. Обойдемся без лодки.

Они пошли. И если наверху, на холме, было более-менее светло, то внизу, на болоте, по-прежнему стоял туман, какой-то даже слегка зеленоватый, словно покрытый болотной тиной...

* * *

Туман над дорогой начал рассеиваться только недалеко от Уфы. Игорь хорошо знал эту трассу и сначала хотел не испытывать судьбу и не заезжать в город – кольцевая дорога позволяла это сделать. Но потом решил, что бояться ему, по сути, нечего. Если едешь в открытую, это вызывает меньше подозрений. Тем более что через реку Белую перебираться все равно только в одном месте. Раньше там был паром, и машины простаивали в очереди часами. Вот там бы его обязательно перехватили те, кому это надо. Если надо вообще... А пока он уверен в этом не был, только лишь профессиональная осторожность заставляла его сомневаться в собственной безопасности.

И опять ему повезло. «Старый зубр» из Конторы в Самаре, не дождавшись ответа из бани на подмосковной даче, решил действовать на свой страх и риск, в пределах, естественно, собственных полномочий, и позвонил другому «старому зубру» в Уфу. Просьба была почти безобидная – пошарить в машине, устроить обыск, даже если ничего не найдут, посомневаться в номере на двигателе – может же ведь показаться, что номер перебит... И задержать водителя хотя бы на сутки. Если получится больше, то лучше. Уфимский «старый зубр» дал распоря-

жение и послал молодых очень умных ребят. Ребята обрядились в почти настоящую форму сотрудников ГАИ, даже бляхи-значки с несуществующими личными номерами прицепили. И поскольку они были очень умными, то решили, что гаишники друг друга прекрасно знают, и им ни к чему выдвигаться слишком близко к настоящему посту во избежание лишних разговоров и темных подозрений. Объект торопится, объект должен скрываться, значит, он не захочет колесить по многолюдным и крутым горным улицам столицы Башкирии и выберет объездную дорогу. И попадет прямо к ним в руки. И долго они стояли на шоссе, всматриваясь в номера всех проезжающих «Жигулей» шестой модели, даже глаза начали уставать и ноги подмерзать. Объекта все не было, и очень умные ребята начали расстраиваться. Что, впрочем, было совершенно напрасным. Потому что они не знали, что представляет собой объект, никто не предупредил их, что за плечами водителя «Жигулей» боевые действия почти во всех «горячих точках» планеты на протяжении последних тридцати лет. И в силу своих очень умных логических рассуждений они просто спасли собственные жизни...

А Игорь тем временем пообедал несколькими чебуреками, запив их бутылкой минеральной воды, и выехал к мосту, где, как законопослушный гражданин, остановился все-таки на жест сержанта-башкира около стандартной будки настоящего ГАИ. Сержант подходил неторопливо, властно и уверенно. Игорь вышел из машины ему навстречу, протянул документы и миролюбиво дожидался, пока сержант внимательно их изучит.

– Продавать гоните? – почему-то спросил сержант.

Очевидно, машины часто гоняют для продажи.

– Нет, на похороны к другу еду... – скорбно сказал Игорь.

Он рассчитал правильно, россияне народ, как правило, сострадательный, и похороны обычно вызывают адекватную реакцию.

– Молодой? – спросил сержант.

– Помоложе меня.

– Сердце?

– Сердце... – скорбно кивнул Игорь. – Поизносилось, перенервничал, и...

– Сейчас времена такие, – сержант, казалось, разделял печаль и скорбь, – у многих сердце перегрузок не выдерживает...

– Да...

– Счастливого пути. Добраться вам удачно, чтобы двух похорон не было. А то дорога сегодня скользкая. Уже несколько аварий было...

– Спасибо.

И все. Все спокойно, и можно дальше давить на акселератор. Что Игорь и сделал.

Дорога через горный Урал доставляла мало радости – спуски, подъемы, бесконечные повороты, и все это на скользкой, оттаявшей к середине дня дороге. Спасала шипованная, почти новая резина.

Большинство встречных и попутных машин ехало едва-едва, соблюдая крайнюю осторожность. Здесь, на горном участке, угроза вылететь в кювет несоизмерима с точно такой же угрозой на равнинных дорогах. Здесь уж если полетишь, то «в последний путь» – с обрыва. И потому водителей понять можно – их машины не крылаты.

Игорь все так же присматривался к другим автомобилям, не зная даже, что он желает увидеть, но оставаясь уверенным, что что-то увидеть может – взгляд ли, жест. И увидел...

Выехав из Бакала, где еще раз перекусил и заправил машину, Игорь отметил, что вот-вот начнет смеркаться. Сразу за городом дорога была пустая. Только где-то внизу навстречу двигался «КамАЗ», время от времени показываясь из-за очередного поворота.

Еще один поворот. Светлая «Волга» стоит у обочины, под каменистым обрывом с левой стороны дороги. И совершенно ни к чему ей там стоять – сразу прочитал Согрин ситуацию. Два человека внимательно смотрят на его «Жигули». Сначала на номер, потом на него самого.

И не успел он проехать мимо, как они уже сели в машину. Погоня? Да, они стараются догнать его – достать...

Игорь для начала резко добавил скорость. Но у «Волги» явно форсированный двигатель. Так уверенно она сокращает дистанцию. Внаглую, показывая свое истеричное, почти трясущееся желание... Без надобности никто в здравом уме так гнать не будет. Тем более что «Волга» только что вот, пару минут назад, сохраняла полусонное спокойствие. Ну что же, ребята, вы уж извините, но дорога сильно скользкая... И дорога почти пустая. Если остановят, то где гарантия, что стрельба не начнется раньше проясняющих ситуацию разговоров, раньше того времени, когда он сможет хотя бы подойти вплотную, где преимущество будет – он не сомневался в своей подготовке, не совсем еще конченный пенсионер – уже на его стороне, даже если они и достанут оружие? Нет, до этого лучше не допускать. Скользкая дорога-то, скользкая, всякое на такой дороге случается...

Теперь Игорь сбросил скорость. Все равно не уйти от машины с форсированным двигателем. «Волга» тоже скорость сбросила – не самоубийца там за рулем, соображает, что к чему, – но продолжала догонять. Догнала, выровнялась, пошла на обгон. Водитель напряжен, контролирует движение, второй – рядом с ним – физиономия удовлетворенная и наглая, улыбающаяся, смотрит на Игоря и достает небольшой, невзрачный с виду пистолет-пулемет. «ОЦ-22» – сразу определил Согрин. Все! Они подписали себе приговор. Только дурак будет ждать выстрелов... Игорь еще сбросил скорость – километров до сорока в час, как и положено по технологии. Не однажды уже проверенной и испытанной на полигоне. Если те ребята в «Волге» не просто бандиты, то они должны знать эту технологию. Но у бандитов редко встретишь «ОЦ-22». Слишком уж это специфическое оружие. Впрочем, и оружие, и навыки сейчас могут быть у кого угодно.

Вы показали свое настоящее лицо, ребята... Это недопустимо. Не следует с подполковником спецназа ГРУ так себя вести. Показавший лицо раньше времени проигрывает. А проигравший – гибнет...

Держаться с ними на одном уровне не стоит. Справа пропасть. Могут столкнуть. Хотя они сейчас в таком положении, что при выталкивании «Жигули» окажутся на левой половине дороги, а «Волга» может и сама загромыхать. Трудно им из этой позиции его вытолкнуть. Слишком рискованно. Если только таранить, но тогда свою машину помнут основательно и есть риск не успеть вовремя самим вывернуться. Захотят они такого? Игорь на их месте стрелял бы на ближайшем крутом повороте по колесам. Но пока все повороты идут плавные.

А позиция Игоря сейчас предпочтительнее. Он ближе к обрыву. Со стороны кажется, что он в большей опасности. Но он-то знает, что это не так, это только на взгляд дилетанта его легко сдвинуть, но траектории движения машин давно уже высчитаны и опробованы. Целый курс наук это составляет. Проходили вы это, ребятки?... Скорее всего, проходили, если решили не выталкивать его, а стрелять. Тоже понимают, что внешнее их преимущество обманчивое.

Машины поравнялись, и поднялся над стеклом маленький автомат. Игорь чуть тронул педаль тормоза. Не ожидавшая этого «Волга» по инерции ушла немного вперед, и момент для короткой автоматной очереди был упущен. Но зато настал момент действий Игоря. Он прикинул расстояние и, не отпуская педаль газа, чуть вильнул рулем, выписывая дугу, стараясь угодить в хорошо ему известное «слабое место» каждой машины – сантиметров на сорок-сорок пять вперед от заднего бампера. И ни в коем случае не тормозить – нога приросла к акселератору. И завершить свою дугу, продолжить прямолинейное движение. Вперед! Вперед...

И все... Будь «Волга» хоть вдвое тяжелее, она все равно вылетела бы с дороги от плавного толкача. А лететь ей далеко и больно... Наверное, не только людям, но и металлу тоже бывает порой больно...

Игорь посмотрел в зеркало. Сзади никого. Сработано без помарки, как на уроке, и маневр выполнен вполне профессионально. Чистенькая и добротная недавно «Волга» с мощным фор-

сированным двигателем перестала числиться на чьем-то балансе. Точно так же, как перестали существовать и стоять на довольствии в некоей фирме, организации или группировке ее пассажиры. Скользкая дорога... Нельзя по такой дороге ездить с превышением скорости...

А Игорь не остановился даже, чтобы посмотреть на плоды своего труда, только через пару минут услышал откуда-то донесенный ветром звук взрыва. Ситуация такая, что упавшим в живых остаться просто нельзя, даже если ты родился у бога за пазухой и летать временами умеешь. Не оставил он ребятам времени на взлет, даже на открытие дверцы машины не оставил. А посадка получилась жесткой.

Но, проехав еще километров сорок, Игорь остановился, вышел посмотреть в полумраке на повреждения своей машины. Сам бампер цел, раскололась только пластиковая угловая насадка, придется менять и боковой сигнал поворота. Крыло можно выправить без проблем... И никто не подумает, что с такими малыми потерями можно избавиться от убийц и спокойно столкнуть с обрыва более тяжелую машину.

Но все же он теперь знал, что его «ведут». И не хотят, чтобы он присутствовал на похоронах Кордебалета. А раз они не хотят этого, раз они готовы даже на убийство ради такого пойти, значит, он обязательно будет на похоронах. Игорь только удивился, что встреча с представителями противной стороны произошла так поздно. Он никогда не полагался на случайности и потому не мог догадаться, что случайно сказанное им соседке слово – «поезд» – стало первой его палочкой-выручалочкой. Потом помог туман, потом помогли «очень умные» ребята из уфимской Конторы, сумевшие перехитрить и спасти самих себя.

Случай, случай... Случай помогает только умелому, в этом Игорь имел возможность убедиться не раз, хотя никогда на случай и не полагался. Что принесет следующий подобный случай?...

Глава 5

На въезде в город с Уфимского тракта, уже поздним вечером, Игоря опять остановили на посту ГАИ. Здесь же, рядом с гаишниками, походкой всемогущих суперменов прогуливались, придерживая сильной рукой короткоствольные автоматы, несколько омоновцев. Ребята крепкие, сразу отметил Игорь. Наверное, и подготовлены отлично. Но к себе в отдельную мобильную группу он их не взял бы без дополнительной многомесячной подготовки. У омоновцев психология направлена на другое. И в тяжелых условиях, когда решать приходится не только боевые задачи – там они еще, возможно, и сгодились бы, хотя тоже не всегда, – но и задачи выживания, задачи преодоления самого себя и в физическом, и в моральном плане, сравниться со спецназовцами ГРУ эти парни не могут.

Остановленные раньше машины по очереди обыскивали. Мало приятного, если обыскивать начнут и его. В машине-то ничего не найдут, кроме ножа. Но личный обыск может привести к неприятностям.

На гаишника, который рассматривал разбитый пластиковый наконечник бампера и слегка поврежденное крыло, Игорь внимания почти не обратил, только кивнул слегка и сразу же походкой человека, который имеет на это право, направился к омоновцам. Решительно выбрал для разговора лейтенанта.

– Привет, ребята. – И показал удостоверение.

Заместитель командира ОМОНа Самарского УВД капитан Согрин. (Документы на машину на настоящую фамилию. Потому и удостоверение тоже.) Понижение в звании не слишком смутило Игоря. Ради дела можно и не это пережить.

– В командировку к нам? – поинтересовался лейтенант, сначала чуть настороженно и скучновато.

– Нет. По личным делам. Товарищ умер. На похороны. Мы с ним в Афгане вместе воевали...

Омоновец, афганец, капитан... Внешность жесткая, впечатляющая, походка соответствующая, манера поведения решительная – полная уверенность в себе. Какие могут быть сомнения... И сам лейтенант, и стоявшие рядом парни даже подтянулись из уважения. Признали и приняли без дополнительной проверки.

– Пропусти, это свои, – махнул рукой лейтенант гаишнику. – К нам как, заглянете?

– Может быть. Как со временем получится – не знаю...

В дополнение, чтобы не уйти сразу и не показать поспешность, Игорь стал расспрашивать, как проехать по нужному ему адресу, – иногородний капитан, что тут попишешь...

Адрес он знал хорошо и дорогу знал не хуже, да и за год эти дороги, надо полагать, не повернули в другую сторону, но неназойливое общение снимало, как правило, вообще всякое подозрение. Маленький такой психологический нюанс. Человеку, которому оказывают услугу, люди бывают часто даже благодарны – ведь не каждый день случается помочь кому-то безвозмездно. Пусть в пустяке, но помочь...

Игорь отъехал и посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Пожалуй, ехать на квартиру Афанасьевых не стоит. Поздновато. Хотя посмотреть обстановку там и вокруг – что творится, а должно что-то твориться, просто обязано твориться, он уже не сомневался в этом после происшествия возле Бакала – не мешало бы.

Остановиться Игорь решил у двоюродной сестры. Благо недостатка в свободной жилой площади сестра не имеет. Муж у нее серьезный по местным параметрам бизнесмен, отгрохал себе особнячок в два этажа плюс мезонин. Внизу гараж на три машины. И даже совсем недалеко от центра города – в районе медицинского института.

В сравнении с Самарой, уральский город казался Игорю всегда небольшим, хотя население в обоих областных центрах почти одинаковое. Но если Самара разбросана на большой площади и из района в район на городском транспорте тащиться и тащиться, то здесь строили компактно, цельно. И как-то так строили, что не удивляешься, когда, отъехав от центральной площади города, через десять минут оказываешься уже в сосновом бору. Вот там, недалеко от бора, и возвел свой особнячок Алексей, муж сестры.

Однако Игорь сразу не заехал туда, хотя проезжал почти мимо, а, поплутав по боковым улицам, чтобы не слишком показывать разбитый бампер, добрался до улицы Российской, где недалеко от площади Павших революционеров он и гостил год назад у Шурика Афанасьева – Кордебалета.

Въезжать во двор пока не следовало бы, раз его машину уже знают и с распростертыми объятиями встречали еще почти на границе области. Правда, вместо букета цветов приготовили очередь из пистолета-пулемета. И потому Игорь оставил машину во дворе соседнего дома, захватил с собой на всякий случай бинокль и включил сигнализацию, напугав электронным звучным мяуканьем гуляющего неподалеку пуделя. Псина даже взвизгнула и подпрыгнула – все в полном соответствии с трусливым своим характером. А Игорь стал обходить нужный дом стороной, через соседний двор, прикидывая в уме – как и в какой ситуации следует смоделировать поведение пуделя, чтобы выдать себя при надобности за другого – трусливого и безопасного.

Легко прочитывалось предназначение стоящего у подъезда, напротив фонарного столба, автомобиля. Неоновый неестественно белый свет фонаря почти просвечивал салон машины. Там трое. Двое жуют бутерброды. Видимо, недавно третий привез им. Вон вторая машина, чуть в стороне, без водителя, с включенными габаритными огнями. Голодают, бедняги. Ничего, такая у филера судьба. Особенно у бездарного, потому что только бездарный филер поставит машину в таком месте. Что, очень уж нужно им такое жесткое контролирование всех входящих в подъезд и выходящих из него? Ладно, ребятки, жуйте, жуйте, чем тщательнее жуετε, тем лучше будет осуществляться пищеварительный процесс. Насытитесь и спать захотите. У Игоря у самого от голода при виде бутербродов слегка засосало в желудке. Весь день в дороге, пару раз слегка перекусил – и все... Да ничего, он привычный, а кроме того, сестра через полчаса-час накормит...

Игорь прошел мимо. Дальше через газон протоптана в снегу тропинка к соседнему дому, точно такому же, как дом Кордебалета – башенка в один подъезд. Он вошел в подъезд, поднялся в лифте на шестой этаж и там, на лестнице между этажами, подошел к подъездному окну. Окно маленькое, расположено не слишком удобно. К тому же весьма грязное. Трудно сквозь него что-то рассмотреть. Пришлось подняться еще на один этаж, по дороге слегка открутить лампочку на лестничной площадке – чтобы не видно было его наблюдений. Здесь окно было только чуть-чуть почище. Открывать его Игорь не рискнул. Это может привлечь внимание. Он долго тер стекло носовым платком, вычищая необходимый для наблюдения пятак. Но стекло было и с другой стороны не чище. И все же через окуляры бинокля можно было рассмотреть окна квартиры Кордебалета. В большой комнате они были занавешены теновыми шторами. Сквозь такие рассмотреть ничего нельзя – даже не видно, включен ли свет. А если гроб и стоит в квартире, то, несомненно, в этой комнате. Вторая, смежная комната в полумраке. Шторы на окнах тюлевые. Свет сюда проникает из большой через раскрытую, видимо, дверь. Только так и можно догадаться, что в большой комнате не темнота. Но свет этот очень слабый, чрезвычайно слабый. От самой маломощной лампочки не должно быть такого света. Свечи... Значит, гроб, скорее всего, там... В комнате горят свечи...

Игорь скорее почувствовал опасность спиной, чем услышал что-то. Он сидел на корточках – узкое горизонтальное окно слишком низко – и среагировал вовремя, на полметра передвинулся влево и одновременно ударил за спину тяжелым корпусом бинокля.

Хрустящий звук сломанного носа Игорь услышал одновременно с тем, как выпрямился и обернулся. Но и оборачивался он с ударом коленом туда, где должна была бы, по его представлению, быть у стоящего за спиной человека печень. Нападавший согнулся, а Игорь, не успев даже рассмотреть его, левой рукой схватил человека за шиворот и ткнул лицом в металлическую трубу мусоропровода. И тут же, оставив бинокль болтаться на шейном ремне, нанес удар правой – основанием откинутой назад ладони в место соединения черепа с шейными позвонками. И вдруг почувствовал, что что-то в ситуации не так обстоит, как ему казалось сначала.

Человек упал без звука. Игорь все так же за шиворот оттащил его к лестнице, туда, куда хоть чуть-чуть доходил свет с верхней лестничной площадки – рассмотреть. Но еще до этого он понял, как ошибся. Если бы его вычислили, заметили, то не дали бы возможности драться. Как там, на дороге под Бакалом, когда пистолет-пулемет появился на свет божий раньше произнесения первых слов. Здесь оружие бы уперлось ему в спину. Пистолет с глушителем, или такой же «ПСС», что пристегнут к его голени, выстрел, который никто не услышит. И еще одно нераскрытое и непонятное по мотивам убийство ляжет в милицейские архивы. Но человек подошел к нему. Пусть неслышно, крадучись, но подошел без оружия. И человек совершенно не подготовленный к рукопашному бою, потому что любой специалист после удара биноклем не стал бы дожидаться второго удара, а наверняка сделал бы шаг назад или в сторону, поставил бы блок. Не такой был сильный удар – бинокль не кастет, чтобы от него на какое-то время, не упав, отключиться и потерять контроль за ситуацией.

В полумраке Игорь наконец-то рассмотрел – обыкновенный бомж. Бомжи любят ходить тихо, чтобы их не замечали и не гнали. Этот, похоже, спал за мусоропроводом, здесь же, рядом, и затаился при появлении Согрина. А Игорь в темноте не увидел его. Но потом нервы у бомжа не выдержали. Он решил, видимо, тихо проскользнуть за спиной подполковника, на цыпочках, но любопытство – самый большой и губительный порок человечества и в то же время главный двигатель прогресса – взяло верх, и он склонился над ним посмотреть в то же окно. И вот результат. Если выживет после завершающего удара, то неприятности с позвоночником его никогда не оставят.

Спецназовец тоже человек. И ему неприятно вот так, за здорово живешь, уничтожить кого-то постороннего. Но это тот же самый вопрос, решать который обучал Согрин Шурика Кордебалета. Тогда – на чужой территории. Сейчас эта территория, внутри своей страны, тоже стала чужой. Почему вот только? По чьему приказу, по чьему умыслу? Что-то не поделили два ведомства, служащие одной цели. Может, в дополнение и криминальные структуры влезли? С этим еще предстояло разобраться.

Первый вариант хуже. Согрин знал – сколько Служба и Контора существуют, столько существует между ними и взаимная плохо скрываемая неприязнь. И начинается она, скорее всего, в верхах, когда каждый стремится усилить свое влияние на события, на политику государства. Сегодня один ближе к «трону», завтра другой. Но каждый стремится плеснуть масла, чтобы сосед поскользнулся. Иногда начинается и открытая вражда. Как правило, такое происходит в случаях, когда ведомствам есть что делить. Что произошло в этот раз? Что делят Контора и Служба?

Было время, когда Андропов навел порядок и подчинил их всех своей сильной руке. Но те времена быстро прошли, и начались новые – новая борьба за власть, новый дележ пирога...

Самому Игорю не раз приходилось ловить на себе заинтересованные взгляды, чувствовать слежку, проверку. Иногда телефон начинал работать со странностями, издавая характерные звуки, выдающие прослушивание. Но всегда обходилось без эксцессов. Он знал в такие моменты, что где-то что-то происходит, кто-то кому-то готовит очередную порцию гадости. И его, как потенциального подозреваемого, проверяют на причастность. Вылавливают в это время «занятых» в мероприятия людей. И знают приблизительный круг тех, кто может быть «занят». Но «занят» по-настоящему Согрин оказался только в этот раз. И сразу почувствовал

жесткое давление, прессинг. И связано это со смертью Шурика Кордебалета. Если бы что-то другое произошло, возможно, Игорь и сам действовал бы мягче. Все-таки на своей территории вести военные действия... Это не совсем привычно. Это даже несколько шокирует и заставляет чувствовать собственную ущемленность. Смерть товарища, такая неожиданная смерть... Она во многом подтолкнула его, ожесточила и заставила задуматься.

Просто так, ни с того ни с сего не умирают в сумасшедшем доме боевые и проверенные офицеры спецназа армейской разведки...

Своя территория...

А сколько до этого пройдено маршрутов по территории чужой, сколько там оставлено пустых гильз и еще много, много, много чего и кого...

* * *

Начало пути лежало через непродолжительную гряду каменистых бурых холмов.

Капитан Тан все-таки пошел первым. И Игорь не воспротивился этому. А иначе вообще зачем группе проводник? Только чтобы начальству на группу «стучать»? И уже в самом начале марша вьетнамец показал, что он хорошо знает местные условия и приемы работы противника.

– Вот, – показал он на лежащую поперек тропы лиану... – Смотрите...

В лиане не было внешне ничего необычного. Сколько таких уже попадалось на непродолжительном пути.

– Ну? – ожидая продолжения, спросил Согрин несколько напряженно, как и бывает обычно в первые часы нахождения во вражеском тылу.

– Это чама-тай, – пояснил капитан. – Она не растет так прямо. Она должна извиваться, как спираль...

– И? – Согрин оставался по-прежнему немногословным, как и положено в боевой обстановке дальнего рейда. Кроме того, недоверие к вьетнамцу все еще не прошло окончательно. Вспомнилось, как Тан на прощание переглянулся с очкастым незнакомцем после инструктажа. И взгляд этот показал, что они неплохо и давно знакомы. – Что дальше?

Тан раздвинул широкие, на фикус похожие листья какой-то растительности сначала с одной стороны тропы, потом с другой и показал:

– Вот...

Лиана была прикреплена к тонкой и натянутой проволоке. Сама проволока шла вверх, на дерево, куполом перекрывавшее тропу от взглядов сверху. Раскидистые ветки дерева выполняли роль блоков, через которые проволока соединялась со взрывателем.

Согрин понял, тут же встал так, чтобы лиана проходила у него между ступней, оставил листву раздвинутой, чтобы заметно было проволоку, и стал подгонять жестом всю группу – проходите быстрее, одновременно показывая пальцем на лиану и на ее соединение – запомните, чтобы в следующий раз и без капитана Тана такую вещь не прозевать. Он не сомневался – раз увиденное в памяти останется навсегда.

– Надо обязательно взорвать, – сказал Тан, когда группа прошла.

– Ага... Чтобы всем показать, что мы уже здесь, прибыли, не запылились... – съязвил Игорь. – Иллюминация – как на празднике... И море аплодисментов... Нам готовят праздничный ужин и встречают, как героев.

– Тогда надо обезвредить... – упрямый вьетнамец стоял на своем.

– Нет. – Игорь опять жестко показал, что командует в группе он. – Это не наша задача. Мы не можем терять время на каждую мину. Не имеем права рисковать собственным минером. И потом, она хоть как-то прикрывает нас с тыла. Обеспечивает безопасность.

– Здешние деревни не воюют... – напомнил Тан.

Игорь посмотрел на него уничтожающе.

– Те деревни, которые воюют, воюют *за вас*... А если не воюют, то они *против вас*...

Он умышленно говорил сейчас не «нас», а «вас», чтобы показать лишний раз капитану – *они* здесь только помогают воюющей стороне, помогают по просьбе последней. А воюют между собой сами вьетнамцы, и еще американцы на одной из сторон. Те самые американцы, которым никак не дают спать спокойно лавры гитлеровцев... ¹ И не велика беда, если на американской мине подорвутся их же союзники.

Тан вынужденно кивнул, но не улыбнулся, как обычно, и поспешил вдогонку за группой, чтобы снова возглавить авангард. А Игорь достал подробную карту спутниковой съемки и отметил на ней местонахождение мины.

«Взорвать!...» – ахнул он, присмотревшись внимательнее к карте. Метрах в пятистах находится, если он правильно разобрал геометрически оформленные контуры, рисовое поле, где, вполне вероятно, сейчас копаются по колено в воде местные крестьяне, а за полем еще в пятистах метрах – деревня. Тан ведет их вплотную к населенным пунктам. Это вообще слишком рискованно. Надо к Тану повнимательнее присмотреться.

И, спрятав карту, он стал догонять остальных. Группа, впрочем, не сильно спешила оторваться от командира. И когда Игорь уже пристроился прямо за идущим последним Славой Макаровым, за спиной у них грохнул взрыв.

Мина сработала. Кто-то – человек ли, животное, – не имея опыта капитана Тана, подорвался. Это сразу насторожило. Может быть, их преследуют? Территория чужая. Высадку десанта, даже так молниеносно проведенную, могли и заметить. Крупных объектов рядом карта не показывала. Но кто скажет точно, что ни в одной из деревень не стоит небольшой гарнизон южновьетнамской армии. А возможно, и «зеленые береты» рейд совершают. Хотя это маловероятно. Если здесь сейчас нет партизан, то «зеленым беретам» здесь делать нечего. Они не любят шлепать без толку по болотам. Скорее всего, или местные жители, или появились южновьетнамские солдаты.

Группа остановилась.

– Что думаешь? – спросил Игорь у Тана, верткой ящерицей протолкнувшегося среди других поближе к командиру.

Глаза капитана чуть заметно бегают. Он растерялся. Взрыв его сильно смутил.

– Погоня? – спросил в свою очередь вьетнамец.

– Это я тебя спрашиваю.

Тот пожал плечами.

– Нас могли заметить при десантировании. Хорошо хоть, что это не лаосцы...

Последняя фраза, произнесенная почти со вздохом облегчения, Игорем не была до конца понята, но переспросить он не успел. Оттуда, откуда только что раздался взрыв, послышался одиночный выстрел.

Реакция последовала незамедлительная. Выстрел – это уже явно не крестьяне. Это точно – погоня. Вопрос только в том – стоит от погони уходить или же следует принять бой. Какие силы у противника?

Не произнеся ни звука, Согрин жестами отдал приказ: рассредоточиться по обе стороны тропы и – вперед, навстречу преследованию.

Выстрел смутил его. По идее, преследователи должны соблюдать осторожность. Им ни к чему показывать присутствие. Или они настолько уверены в своих силах?... А может быть, сигнал подают другим?

¹ Вьетнамскую войну американцы начали с провокации. Они организовали торпедную атаку собственного же крейсера, курсировавшего рядом с приграничными водами Северного Вьетнама. И обвинили в этом вьетнамскую сторону. Гитлеровцы начали Вторую мировую войну с аналогичной провокации. Группа эссовцев, переодетая в польскую военную форму, захватила в приграничном с Польшей районе Германии радиостанцию и вела оттуда передачу на польском языке.

Возможно все. Но мобильная группа обучена в достаточной степени и не сделает без приказа командира ни единого выстрела. А уж прятаться, маскироваться ребята умеют. Враг наступить порой на бойца может, и не заметит, что по противнику прошел.

Тан от Игоря не отставал ни на шаг. Джунгли по обе стороны тропы, что называется, непроходимые. Но только не для спецназа. Игорь передвигался, извиваясь змеем среди лиан и кустарника, чувствуя, но не видя движение товарищей в двух метрах справа и слева. К месту взрыва они подошли почти все одновременно и сразу же сгруппировались.

Согрин жестом скомандовал Славе Макарову – вперед, на разведку. И не менее красноречиво сумел предупредить об осторожности: резко выбросил сначала все пальцы из сжатого кулака – взрыв, а потом характерно показал поднятый палец – осторожно. Где одна мина, там могут оказаться и другие. Слава же не двинулся вроде бы ни на шаг, но исчез из поля зрения, словно его и не было рядом. Игорь заметил реакцию на это исчезновение Тана. Вьетнамец стал озираясь, пытаясь взглядом найти разведчика.

Появился Макаров так же внезапно, как и пропал. Его мощный и гибкий торс без звука выскользнул между двух лиан прямо перед Таном. Слава показал пальцы: сначала все на обеих руках, потом еще один, и указал на погон – десять солдат и офицер. Тан поднял автомат и чуть не передернул затвор, ладно, Макаров успел вовремя положить на оружие руку.

Игорь достал с голени нож. И двинулся между лиан так же бесшумно, как и разведчик. Он знал, не глядя, что остальные последовали за ним. Для Тана так и осталось загадкой, как вторая четверка, что находилась по ту сторону тропы, уловила момент атаки. Но напали они одновременно. Только несколько секунд прошло, а на земле уже лежало десять мертвых вьетнамцев и потерявший сознание офицер. Офицера взял на себя Кордебалет, так и не доставший нож из ножен, – резкий и короткий удар левой сбоку в челюсть. Классический нокаут. Ситуация отработана на тренировках группы еще дома, и Шурик понял отведенную ему роль по одному взгляду и кивку Согрина. Кому, как не мастеру спорта по боксу, брать «языка».

Здесь же, на тропе, лежал еще один труп. Его добили тем одиночным выстрелом свои же. Солдат шел, должно быть, разведчиком – впереди других. Он был уже за поворотом и своим, по всей видимости, не виден, когда грохнул взрыв. Потому они и остались сначала живы. На лиану разведчик внимания – не тот глаз, что у капитана Тана, – не обратил, задел ее, мина разорвалась над головой. Его изрешетило мелкими осколками – в москитную сетку буквально превратило. Парень мучился, истекая кровью, и его пристрелили – закон войны.

Дальнейшее все происходило так же быстро, словно по команде, хотя Согрин и слова не произнес. За минуту трупы были убраны в сторону от тропы, свалены один на другой в муравейник, на корм прожорливым и злым местным насекомым. Кроме подорвавшегося. Разбрасывать трупы в разные стороны от тропы не рекомендуется. Вдвое увеличивается вероятность их обнаружения. Подорвавшийся пусть так и лежит. Взрыв могли слышать в стороне. Значит, надо звук материально оправдать. Кто знает, сколько тут еще таких же групп бродит. Сразу же замели наломанными опять же в стороне импровизированными вениками следы крови. Несколько сломанных веток вырезали под корень, чтобы не видно было следов свежего слома. Никто, появившийся сейчас здесь, не понял бы, что только что в этом месте произошла молниеносная и кровавая драма.

– Ты не перестарался? – спросил Согрин у Кордебалета, склонившегося над офицером.
– Живой...

Допрос, если бы затянулся, выбил бы их из графика движения, но провести его надо было обязательно, чтобы до конца выяснить ситуацию – случайный ли это отряд, есть ли еще воинские части в округе.

Шурик хлестал офицера ладошкой по щекам, нежно почти, совсем не по-боксерски. И привел его наконец-то в сознание. Видимо, маленькому вьетнамцу не доводилось еще встречаться с квалифицированными мастерами спорта, и удар был для него необычайно силен. И

времени привыкнуть к таким ударам у него, понимали все, не осталось. Не отведено ему просто этого времени.

Офицер встал, держась мелкими ладошками за щеки, словно зубы у него ныли неимоверно.

– Ага... Поговорим... – выдвинулся вперед весьма крупногабаритный лейтенант Толик Сохно, благодаря злодейской внешности – таким уж мама родила – и сломанному в дополнение носу он в группе считался специалистом по допросам.

Спокойно и деловито лейтенант протянул руку с ножом и провел острейшим лезвием у офицера возле уха. Брызнула кровь, но ухо пока осталось на месте. Офицер схватился ладонью теперь уже за ухо, но по глазам стало понятно – он понял, что от него требуют и чем ему грозят. И испугался – штанина моментально намочилась, и под офицером разлилась лужица. Согрин, не церемонясь, подтолкнул в спину Тана.

– Допрашивай сам. Я вьетнамский знаю хуже, чем ты русский... Кто они такие, куда шли, с какой целью?

Честно сказать, он вообще знал по-вьетнамски только несколько слов. Знал, но не умел их произнести, тембр голоса не совсем подходящий. И если пытался, сами вьетнамцы большей частью его не понимали.

Вьетнамские офицеры зашебетали по-своему. Как две птицы перекликались. Отдельные слова Согрин все же с удовлетворением разобрал, но смысл разговора уловить все равно не смог.

– Он из отдельного полка военно-полевой жандармерии. Так они своих карателей зовут. Командир взвода. Квартуется здесь недалеко, в деревне. Утром им сообщили, что выброшен коммунистический десант. Десять парашютов. Взвод пошел на преследование тремя группами. Две группы должны загнать коммунистов на очень узкую тропу, а третья должна встречать их там в засаде. В каждой группе по десять человек.

Игорь раскрыл планшет-сумку офицера, совсем такую же, как и у офицеров советских. Под прозрачной пленкой подробнейшая карта района.

– Где квартируетесь?

Офицер показал.

– Где идет вторая группа и где засада?

Опять показал, и Игорь отметил красным карандашом, оказавшимся в этой же планшете.

– Где базируется весь полк?

Вьетнамцы долго говорили, жестикулируя, наконец Тан перевел:

– Как такового, полка вообще не существует. Есть отдельные роты и отдельные взводы, они располагаются по различным районам и входят в подчинение местной комендатуре.

– Где еще стоят гарнизоны?

– Поблизости нет, – перевел Тан.

– Как взвод осуществляет связь с полком?

– Рация у второй группы.

– Все, – коротко сказал Согрин и пошел по тропе в прежнем направлении.

Короткий вздох за спиной и булькающие звуки показали, что Сохно не случайно долго не убирал нож в ножны. Тропу за офицером быстро подчистили, так что Игорю дожидаться почти не пришлось...

Глава 6

Игорь оставил бомжа в бессознательном состоянии там же, в подъезде. Только оттащил на привычное место отдыха, за бетонную трубу мусоропровода, чтобы кто-то случайно не нашел его раньше времени, пока сам Игорь не уйдет достаточно далеко. Но и уходить тем не менее он пока не поспешил. Теперь уже спиной, по спецназовской привычке, прислушиваясь, чтобы не подпустить кого-то к себе сзади, он продолжил наблюдение за окнами квартиры Кордебалета.

Предстояло ждать. Но прождать так можно долго. А он слишком устал с дороги. И эта усталость давила на него больше, чем происшествие возле Бакала или чем неприятность с бомжом. Ну, хоть кто-то там, в квартире, пошевелится? Хоть кто-то пройдет во вторую комнату или на кухню воды попить? Должна же у человека быть жажда... Зайдите, зажгите свет... Хоть живого человека там увидеть бы и что-то понять...

Но что можно понять по виду человека, даже, возможно, незнакомого ему? Этого и сам Игорь не знал. Но создавалось внутреннее, подсознательное впечатление, что какое-то движение в квартире наведет на мысль, успокоит или поселит сомнения. Такое уже не раз и не два случалось в боевой обстановке, когда все чувства обострены и само подсознание, интуиция работают в экстремальном режиме.

Бомж за мусоропроводом застонал. Как стонет ребенок. Тонко, жалобно, с подхлипыванием, с собиранием в интонацию всех возможных в мире горестей и несчастий. Игорю не захотелось с ним общаться. Все. Не добивать же его, в конце-то концов. Придется наблюдение прекратить.

Игорь убрал бинокль под куртку и, не спеша, беззвучно начал спускаться по лестнице. Лифт решил не вызывать. Слишком уж тот гроыхает в ночной тишине подъезда.

На улице подморозило. Игорь обошел дом, обошел двор и, появившись из-за угла, увидел двоих возле своей машины. Он не стал убавлять шаги, на ходу стараясь высчитать, что это за люди, хотя свет от фонаря падал на них сзади. Внешне на сотрудников Конторы походят мало, особенно один – рожей не вышел, вид абсолютного дебила с образованием в пределах церковно-приходской школы. На вид лет двадцать пять. Но изобразить из себя и сам Игорь умеет многое. Думал же недавно, как научиться показывать испуг трусливого пуделя. Соответственно, и понимал, что этот человек может просто кого-то изображать. Второй слегка поинтеллигентнее. Возраст в пределах тридцати с небольшим лет. Этот может и в Конторе служить, но для боевика фигурой не вышел, жирноват откровенно. А в облаву на спецназовца пошлют обязательно подготовленного боевика. Знают, с кем имеют дело...

– Что вам, мужики? – Игорь отключил сигнализацию и открыл дверь машины.

– Слушай, братан, подвези на Северо-Запад... – толстый говорил солидно и коверкал слова, пытаясь неудачно передать блатную манеру речи.

– Нет, некогда, – коротко ответил Игорь.

Он ждал продолжения.

При одном варианте, если парни из Конторы, они ни за что не захотят его отпустить. Разыграть попытаются кого-нибудь, затеять драку. Тут может и другая машина подъехать. Хотя бы милицеевая. И «повяжут». Если смогут...

При втором варианте, если это просто шелупонь поддатая, а запашок от них идет чуть ли не многодневный, тоже могут навязать драку. Конечно, здесь вполне реально и даже правильно все решить двумя ударами. Но стоит ли связываться, отвлекаться от дела и нарываться на непредвиденную случайность.

– А где здесь, слышь, братан, машину лучше поймать? – спросил толстый. – Мы приежее, понимаешь...

– Посмотри на номер... – сказал Игорь. – Я сам приезжий. Выйди на дорогу, там и лови...

Парни переглянулись и двинулись вперед. В сторону, противоположную дороге. Игорь хотел окликнуть и показать, думал, заблудились спьяну, но потом сообразил, что скорее всего им и не надо никуда ехать и вовсе они не приезжие. Просто увидели стоящую во дворе машину и подумали, что там есть чем поживиться. Обычно такими делами пацаны балуют, но что с пьяных возьмешь, может, им добавить желательно грамм по двести, а не на что... И он тут, как назло, помешал...

Ну и ладно, что все обошлось мирно. А то Игорь уже почувствовал в себе прежний боевой завод. Он сам потом, задним числом анализируя какие-то события, участие в какой-то операции, часто о своем заводном характере жалел. Всегда лучше, если возможно, обходить стороной острые углы. Если уж совсем приходится трудно, как сегодня днем, на шоссе возле Бакала, то приходится применять все способности, всю тренированность. И это дорожное происшествие дало ему жесткий толчок-посыл. Нервная система сработала по аналогии с боевыми действиями на территории противника. И началась цепная реакция. Потому так и досталось ни в чем не повинному бомжу в подъезде. Сильнее бы досталось этим двум алкашам возле машины. И любому, кто может сейчас подвернуться под руку. Надо себя контролировать!

* * *

...Там, где пересекались, согласно карте, сразу три тропы, одинаково трудные для прохождения, одинаково заросшие и одинаково заминированные, – вторую мину снова нашел капитан Тан, а третью и четвертую парни из группы обнаружили самостоятельно. Причем последняя, как показалось, поставлена совсем недавно – свежак. И скорее всего, для них именно и предназначенная. Прямо посреди тропы широкий лист растения. Не успел еще ни подвднуть, ни, как это часто случается в тропиках, прорасти. Лист привлек внимание. Сразу возник вопрос – кто-то недавно прошел по тропе? Да, естественно, листья с таким толстым корешком не отрываются сами по себе, да и ветра подходящего для них пока не было.

Саша Краснов, старший лейтенант, участвовавший еще в прошлой операции здесь же, в Южном Вьетнаме, поднял руку и сделал пальцами жест – туда – сюда. Группа моментально рассредоточилась по кустам, растворилась среди сплошной зелени. Только капитан Тан чуть задержался, не умея реагировать на спецназовскую жестикуляцию, но его сильной рукой утащили в секунду чуть ли не за шиворот.

Краснов действовал правильно.

Лист свежий. Это подозрительно. Лежит там, куда упасть не должен. Значит, его сюда принесли. Если человек просто несет лист в руке, от мошкеры отмахивается, в левой ли, в правой ли руке несет, а потом бросает, то не будет он лежать прямо посреди тропы. Нет, так его, скорее всего, можно лишь специально положить. Есть, конечно, и другой вариант – попроще. Кто-то несет заплечную корзину. Местные вьетнамцы носят такие узкие и длинные не по росту корзины. И прикрыл поклажу листом. Лист вполне может упасть, если положили его не слишком аккуратно. Хорошо, если так.

Но про первый вариант забывать нельзя. Спецназовец обязан предвидеть главным образом самый неприятный для себя вариант и действовать соответственно, чтобы остаться в живых.

Саша наклонился. Одновременно щелкнул предохранитель его автомата. Где-то рядом вполне могла быть и засада. Он поднял лист. Под ним земля насыпана свежей кучкой, едва заметным бугорком. Осторожно, песчинку за песчинкой, камушек за камушком начал он очищать центр бугорка, его вершину. И увидел плоскую зеленую кнопку размером с юбилейный металлический рубль – колпачок взрывателя мины. Наступи – и долго будешь лететь прямым курсом по направлению к преисподней – можешь и по компасу не сверяться...

Краснов не стал разминировать тропу. Насыпал так же аккуратно на кнопку песочек и прикрыл снова листом. Мина французская, противопехотная – Саша наметанным глазом определил сразу. Что это значит? Значит, что ставили ее явно не американцы, как те мины, которые встретились им раньше, а вьетнамцы. Вооружение со старых, от давней французской оккупации оставшихся складов.

Старший лейтенант не спеша поднялся в полный рост, спокойно огляделся, сделал мягкий, кошачий шаг назад – и исчез среди зелени. Как раз наступил момент, когда засада, если она есть, должна начать стрелять. Но группа Краснова опередила и подстраховала. Уже прошла, вернее, пролезла вперед, прочесала все ближайшие кусты. Чисто... Никого...

Согрин раскрыл одновременно две карты. Ту, что досталась от жандармского офицера, и свою, со спутниковой съемки. Карты почти одного масштаба. Но на спутниковой – различие это всплыло у него в голове задним числом еще во время движения – просматривается еще одна тропа. Совсем, похоже, заросшая, пролегающая, судя по всему, неподалеку. И ведет она не к тому самому перекрестку, где должны были встретиться две жандармские группы, а немного в сторону, то ли к какому-то селению, то ли к развалинам в джунглях. Про развалины Игорь подумал потому, что рядом не было традиционных рисовых полей, а следовательно, и жителей.

– Что это за тропа? – спросил он Тана.

– Там не должно быть тропы, – вьетнамец был удивлен не меньше, и удивился он явно неподдельно.

– А вот это что такое? Селение?

Тан пожал плечами.

– И селения там нет.

– Тогда какие-то развалины. Рядом не видно ни одного поля. Ни одной очищенной площадки.

Вьетнамец некоторое время помолчал в раздумье.

– Здесь в свое время самолеты столько кружили, что наверняка бы увидели развалины. Янки все джунгли насквозь прочесывали, искали наши тропы. Но на их картах ничего нет. И на наших тоже не было. Я бы наверняка знал...

– Ты здесь воевал?

– Да, тогда у меня еще был свой отряд. – Тан, вспоминая, говорил даже с какой-то грустью, с тоской. – Мы входили в провинциальное соединение. И места эти я хорошо изучил. Каждый холм прошел, каждый куст раздвинул, через каждое болото перебирался, от островка к островку...

Капитан сохранял упрямую уверенность в своей правоте. Но Согрин знал по опыту, что нет ничего хуже, чем догматическая уверенность. Здесь ничего нет, потому что не может быть... Глупо... Космическая съемка не от руки нарисована каким-то фантазером. И маленькая тропа... Когда-то люди проторили ее, втоптали землю. И земля сохранила тепло их босых ног. И тепло это видно сейчас из космоса. Хотя сомнение полностью еще не оставило и самого Согрина. Он уже достаточно знал местный климат и легко мог предположить, что каждая тропа должна зарости дикой и буйной местной зеленью. Сразу после сезона дождей должна зарости. Такова местная природа. Так что же это? И стоит ли терять время, такое драгоценное, на ненужные, возможно, блуждания.

Хотя – насколько они ненужные? Если впереди ждет засада, то эту засаду лучше всего обойти и напасть с тыла. Конечно, можно и вблизи обойти, через кусты. Но кто подскажет, где эта засада ждет. Жандармский офицер мог к тому же и соврать. Трудно полагаться только на его откровенность. Хотя лужа мочи под ним вроде бы гарантирует некоторую честность.

– И тем не менее там что-то есть. Самолеты могли не все и заметить. Скорость при сравнительно небольшом потолке полета слишком велика. А эта карта с инфракрасной съемки.

Такая съемка видит предметы даже под землей. И тропу видит. Маленькую. Похоже, заброшенную... Попробуем?

Тану, вероятно, стало даже интересно. Он-то считал, что знает этот край достаточно, но вдруг, да-да, вдруг да откроется нечто новое...

– Пойдем. Только как туда доберемся?

– Через километр самый узкий участок. Через него напрямую и пойдем.

– А это что? – ткнул Тан в карту. – Болото?...

– А ты что, никогда по болотам не ходил?

Вьетнамец кивком согласился:

– Хорошо. Оттуда нас ждать не должны...

И группа быстрым маршем направилась вперед, к месту, где лучше всего перебраться на забытую тропу. Но и на ускоренном марше об осторожности они не забывали. Где появилась одна свежая мина, жди следующую. И если первую удалось легко обнаружить, то вторая может быть поставлена хитрее.

– Стоп! – через несколько минут скомандовал Согрин. – Теперь направо. Рубить можно будет только метров через двадцать.

Двадцать метров через заросли дались так же, как километр ускоренного марша. Но времени заняли больше. И только когда командир дал разрешение помогать себе при прокладывании пути ножами, тяжелыми и приспособленными специально для этого, стали двигаться значительно быстрее.

Тан в таких делах человек более опытный, он и показал, как легче рубить лиану. Ни в коем случае не поперек – она только пружинит и почти не поддается тяжелому лезвию. А вот вкось, под изгиб – легко перерубается. Такое обучение еще ускорило передвижение. Там, где сначала приходилось наносить по три удара, теперь обходились одним. Но все же километр пути занял около трех часов.

– Есть! Вот это да! – воскликнул идущий впереди Слава Макаров. – Смотрите, смотрите, что это?... Каменная дорога. Шоссе Найроби – Пекин.

Возглас придал силы и остальным. Ножи заработали энергичнее, и скоро все они собрались в одном месте. Перед ними была тропа, заросшая поверху переплетенными кронами деревьев, но сама тропа не затянулась растительностью. А Слава, заинтересованный этим феноменом, скосил ножом, а потом просто сгреб подошвой верхний слой земли. А под землей камни, подобранные один к другому булыжники-голыши. Дорога и в самом деле была каменная, несомненно, и выложенная руками человека.

– Я знаю, что это такое. Такие дороги я видел, – с гордостью сказал вдруг Тан. – Их прокладывали еще в одиннадцатом веке, когда наша страна называлась Дайвьет. Тогда дайцы были одним из самых сильных народов в Азии. Китай не устоял перед монголами, и Русь не устояла, а наши предки трижды их разбили и не дали себя покорить...

– Монгольские кони сильно потели в ваших краях, – обмахивая себя веткой, мучаясь от липкой жары и moskitov, мрачно сказал Сохно, хотя из-за тяжелого голоса всегда казалось, что он говорит мрачно. – И moskity их загрызли, потому они с вами и не справились...

Тан спорить не стал, только снова вежливо улыбнулся. Но на сей раз улыбнулся так, словно чувствовал свое превосходство над людьми из краев значительно более северных. Действительно, жара и moskity из всей группы, кажется, только на него одного и не действовали.

– Ладно, время терять не будем, мы и так уже опаздываем. – Командир первым сбросил с себя некоторую эйфорию от находки. – Вперед, не на экскурсию сюда пожаловали... Будем часы и минуты сокращать. И постараемся запас сделать.

И первым подбросил у себя за спиной тук с грузом, чуть сбившийся во время бесконечного пролезания через заросли, и зашагал по твердому покрытию.

– Теперь я верю и в развалины, – поравнявшись с ним, сказал Тан. – Дайцы строили небольшие и хорошие каменные города, красивые... И храмы... Только их находят очень редко. И в большинстве на побережье...

Игоря мало тронула древняя история – не тот момент, слишком уж он озабочен другим. На выполнение задания время отводилось конкретное и жестко лимитированное. Встреча с жандармами внесла свои заметные коррективы в просчитанный график передвижения. Но просчитывали его там, по другую сторону демаркационной зоны. А здесь корректором работают Его Величество Случай и первый министр Чужой Замысел. Значит, наверстывать придется за счет сна. И командир прибавил шаг, настолько резко прибавил, что Тан сразу же остался позади.

– Темп подняли, здесь это можно, – обернувшись, командовал Игорь.

Группа подтянулась.

Игорь около часа шел первым – на десять шагов впереди других, как и полагается ведущему, задавая темп марша, но не теряя при этом внимательности, успевая и по сторонам смотреть, и под ноги, и в крону деревьев заглядывать. Хотя и заброшенная тропа, а все же и здесь – думать так велит подготовка спецназовца – какой-то неведомый умелец может поставить мину.

Кроны деревьев склонялись низко, образуя природный туннель, листва, а кое-где ветви и лианы грозились стукнуть по голове, и приходилось постоянно идти чуть пригнувшись, что довольно сильно утомляло. В такой листве проще простого протянуть тонкую проволоку к мине, укрепленной на стволе. Но там, где можно было выпрямиться в полный рост, Игорь тут же переходил на легкий бег.

Группа показала привычку к такому способу передвижения. Но Тан к этому был не подготовлен. Из авангарда он быстро перешел в центр, а скоро и в замыкающие. Но там уже он показал азиатскую волю, порой близкую к фанатизму, и не отставал.

Через час, как и положено, Игорь уступил место ведущего Саше Краснову, который шел до этого вторым, а сам перешел в замыкающие. По правилам прохождения группы, роль замыкающего не менее ответственна, чем роль ведущего. Замыкающий должен контролировать тылы и не допустить внезапного появления преследователей. Кроме того, взгляд замыкающего должен заметить любую деталь, любой след, случайно оставленный кем-то из группы, и ликвидировать его.

После второго часа, когда замыкающим стал Краснов, Игорь смог отвлечься и достать свою карту, стал рассматривать ее на ходу.

Тан держался рядом. Хотя и задыхался, хотя и побледнел от усталости, но старался не показывать этого. Упорства и характера капитану было не занимать. Согрин знал эту азиатскую черту – не зря из них получают хорошие бегуны-стайеры.

Обычно привал делается через полтора-два часа марша. Но Игорь понимал, что времени они потеряли слишком много на короткий бой с жандармами, на допрос и особенно на прорубание через джунгли. А кроме того, впереди лежало болото, на которое указал в карте Тан. Вроде бы тропа и через болото просвечивает – так космическая съемка показывает. Возможно, ее и не сильно затопило. Но ил и грязь – принадлежность любого болота – на камнях становятся гораздо более скользкими, чем на простой почве, и идти, возможно, будет труднее. А в конце пути им снова предстоит пробираться напролом через джунгли. Теперь уже почти полтора километра. И там рубить преграды можно будет только на первых порах, если вообще следует это делать, чтобы не выдать себя подготовленной для них засаде. И еще следует учесть, что где-то бродит третий отряд, желающий соединиться с первым, уже уничтоженным, и этот третий отряд, не дождавшись своих, наверняка предпримет поиски и будет постоянно настороже, будет ожидать нападения.

Ну, ладно, разберутся они с жандармами. А дальше еще два дня пути через болота. Теперь уже без троп, напрямую. Потому что на болоте тропы пролегают по открытой местно-

сти, а им показывать себя никому не обязательно. Кто знает, сколько времени можно потерять там, плутая и выискивая проходимые места. Правда, на болото по графику им выделено дополнительно двенадцать часов. Только этих часов хватит ли?...

Команду на привал и на обед Игорь дал только после третьего часа марша. Но и сам привал ограничил пятнадцать минутами, хотя, вообще-то, после такого длительного безостановочного движения отдыхать следовало бы никак не менее получаса.

* * *

Дом сестры на улице Татьянической Игорь нашел без труда – память не подвела, хотя год назад этот дом выделялся среди других своей этажностью и замысловатой, не всегда дружащей со вкусом навороченностью, а теперь он стоял в ряду других таких же домов, сделанных на один манер. Но к подобным архитектурным «шедеврам», по всей стране разбросанным, россияне уже привыкли. Привык и он.

Игорю пришлось позвонить трижды, прежде чем Алексей, муж Татьяны, соизволил проснуться и откликнуться по домофону весьма недовольным голосом:

– Какого еще черта... Кого несет?

Время было всего-то около часа ночи. Мог бы в это время и телевизор посмотреть.

– Леша, проснись и пой... И гостей принимай!

– Кто там еще?

– Игорь. Из Самары.

Зятек, похоже, проснулся наконец-то:

– О-хо! Какими путями-судьбами... Иду!..

– Игорь, ты, что ли?... – раздался голос Татьяны.

– Нет, – ответил Игорь. – Это кто-то на меня похожий... Вставай и беги на кухню. Я голоднее стаи волков!

Глава 7

Несмотря на то что ночью они засиделись допоздна за бутылкой французского коньяка польского производства, встал Игорь в начале седьмого.

Поселили его на самом верху, в уютном изнутри мезонине, который хозяева звали на французский лад мансардой. В прошлый приезд Игорь мезонин толком и не видел – тот еще достраивался, и обляпанные раствором и битумом строители шастали вверх-вниз без конца, надоедая хозяевам. Во многом именно из-за строителей Игорь и не захотел тогда остановиться у сестры, хотя и на двух этажах место ему наверняка бы нашлось, даже, пожалуй, вместе со всей отдельной мобильной группой, если бы удалось собрать ребят всех вместе – с того и с этого света.

Начиная день с интенсивной зарядки, Согрин в какой-то мере сбрасывал физическую усталость предыдущего дня. Участие в операции – это дело одно, там психологический настрой работает, групповая готовность выложиться. Вечером, бывало, кажется, что все уже, что завтра ногами двинуть не сможешь, настолько устал без конца шевелить ими. С такой мыслью и засыпаешь. А утром мысли другие – сколько сегодня удастся пройти?

Но в одиночестве работать гораздо сложнее. Поддержки моральной нет, чувства локтя не ощущаешь. Да и, говоря честно, Игорь меньше устал бы, если бы такое же количество часов, что затратил на дорогу сюда, участвовал в марше по вражеской территории, через горы, пустыни или болота, через что угодно. Но к передвижению в автомобиле он привык меньше. Нагрузка идет не на те мышцы, которые привычно – тренированные – работают при ходьбе и беге. И в результате с утра спина, как заблокированная хлорэтилом, поскрипывает, хочется изогнуться и ухо к позвонкам приложить. А всю прошедшую ночь во сне перед глазами ползла и ползла скользкая и бесконечная лента шоссе. Не снилась сбитая с обрыва машина, не снились другие машины, встречные и попутные, – глаз только прочно запечатлел, как сфотографировал, утомившую дорогу.

Зарядка выгнала из головы туман, а из спины усталость. Игорь отжимался от пола уже пятый десяток раз, когда вошел без стука Алексей.

– Привет, путешественник! Как спалось?

– Нормально. – Игорь поднялся с пола и отряхнул ладони. – Я разбудил вас?

Спальня хозяев располагалась как раз под его комнатой. И, еще начиная зарядку, Игорь старался, чтобы дубовый паркет под толстым ковром не слишком скрипел.

– Ничего. Я всегда рано встаю. А ты, надо сказать, еще молодец, – он придирчиво осмотрел обнаженный торс Игоря. – В форме, мужик, держись.

Алексей бывший спортсмен, мастер спорта по дзю-до, и потому знает толк в мужской атлетической фигуре. Хотя сам и растолстел в последние годы. Отъелся на калорийных бизнесменовских харчах.

– Кстати, у меня внизу маленький спортзалчик с тренажерами. Загляни, попробуй... Душу иногда отвести можно.

– Обязательно, – пообещал Игорь, восстанавливая после отжимания дыхание плавным разведением рук. – Я и сам уже тысячу лет о тренажере мечтаю. Что-нибудь типа велосипеда или гребного, чтобы легкие получше дышали. Гребной, говорят, вообще для грудной клетки незаменим.

– Ну ладно. Татьяна там завтрак готовит. Спускайся. Потом поговорим.

Игорь принял душ, долго менял воду с холодной на горячую и обратно, сам переключатель на смесителе к этому специально приспособлен – благодать. А когда спустился, с кухни доносились соблазнительные запахи, завтрак уже стоял на столе. Ждали только его.

От коньяка он отказался, но вечерний поздний ужин не утолил его последорожный голод. И позавтракал Игорь плотно. Мало ли какие дела и какие новые неприятности предстоят ему на сегодня.

Похороны... Поминки... А что потом? Там его будут ждать – это стопроцентно. Но, скорее всего, без какого-то конкретного действия с его стороны ничего предпринимать не станут. Его же увидят на похоронах многие люди. Им – конторским – тоже ни к чему поднимать лишний шум. Разговоров они в последние годы боятся, это не то что раньше. Вот там, в дороге, там его могли убрать спокойно, без лишних хлопот и без свидетелей.

– Пойдем в кабинет, – позвал Алексей.

Игорь еще ночью сам напросился на разговор.

Домашний кабинет Алексея казался даже не принадлежностью этого дома – так походил он на обычный рабочий кабинет шефа солидной фирмы. И мебель, как полагается, и японский сейф с наборным кодом в дополнение к ключевому замку, и мультимедийный компьютер, и стандартные вертящиеся кресла, у которых время от времени отваливаются колеса. И даже холодильник здесь отдельный. Только стола для заседаний не хватает. Заседать здесь не с кем.

Игорь постучал ладонью по холодильнику.

– Минералка есть?

Алексей кивнул:

– Есть. Доставай. Наливай. Садись и выкладывай проблемы. А мне скоро ехать...

– Проблема первая. Тысячу баксов конвертируешь?

– О чем разговор... По какому курсу?

Деловой человек... Игорь улыбнулся и тут же сообразил, что даже не знает курс доллара за минувшие дни. За предыдущие, впрочем, тоже, потому что жил в последнее время – от пенсии до пенсии с трудом вытягивая. А если пенсию задерживали, то приходилось заниматься у кокетливой соседки, благо она, хоть и пенсионерка, почему-то всегда была при деньгах. Несколько раз, бывало, куратор выручал, что-то подбрасывал. Непонятно только, за счет чего. Прошлые заслуги сейчас не в моде, а за будущие было тогда рановато.

– Сам решай. Я не знаю ваши местные финансовые условия. Думаю, мы друг друга не обманем...

Игорь отсчитал десять стодолларовых купюр. У Алексея при виде пачки, которую здесь же и распечатывают, поднялись вверх брови.

– Кучеряво живешь... – покачал он головой и посмотрел бумажку на просвет.

– Командировочные, – всерьез отшутился Согрин.

Сейф тут же открылся, причем так, что Игорь без проблем смог увидеть и запомнить номер кода, но сделал он это без умысла, просто по профессиональной привычке. Рублевые банкноты легли на стол.

– Спасибо, – сказал Игорь. – Бог не забудет твою доброту. Теперь вопрос второй. Мне нужен сотовый телефон. Чтобы не смогли сразу засечь, откуда звонят. Стандартные сканеры сотовые телефоны не определяют, да будет тебе известно... Нужна специальная аппаратура, работающая через спутник. Эта аппаратура целый автобус занимает, и не у всякого она есть. Поэтому сначала мне телефон нужен только на один звонок. После обеда, возможно, понадобится еще на некоторое время. Я мог бы просто купить его, но мне светиться нельзя...

Алексей кивал в такт его словам. Слушал спокойно, но глаза его ничего не выражали: ни сомнения, ни недоумения, ни одобрения. Стандартное лицо начальника, решающего вопросы подчиненного, – видимо, такая манера поведения уже прочно вошла у него в привычку. И как только Игорь остановился, он начал спрашивать сам, причем опять ни голосом, ни интонацией не показывая свое отношение к услышанному.

– Только объясни сначала ситуацию. Если возможно это. Я знаю, что ты работаешь со всякими там спец– и с прочими службами. Но вчера ты сказал, что приехал хоронить товарища.

Вы вместе, как я понял, с ним воевали. Зачем для похорон нужен сотовый телефон? Почему тебе нельзя светиться? И как все это – я имею в виду твои дела – может отразиться на мне и на Татьяне? Можешь мне достаточно конкретно это объяснить?

– Могу. Товарищ мой умер, хотя умирать не должен был. Рановато ему еще...

– Убили? – переспросил Алексей.

– Я не знаю подробностей. Умер он, как мне сообщили, в психбольнице. Я сюда ехал исключительно на похороны. – Открываться полностью даже Алексею он не хотел. – Это мой долг, как бывшего его командира и товарища по оружию. Но кому-то очень не хотелось, чтобы я доехал нормально и похоронил Шурика. По дороге меня пытались подстрелить из пистолета-пулемета «ОЦ-22». Знаешь такой?

– Видеть не видел, но слышал. Сразу несколько вопросов. Я же ничего о тебе не знаю в действительности. Если можно, то я хотел бы это знать.

– Я офицер спецназа ГРУ. Воевал во всех «горячих точках», где только воевали в мои времена... Устраивает такой ответ? Или хочешь подробнее?

– Устраивает. Теперь вопрос следующий. Кому и в чем ты помешал? Может быть, ты зря суетишься с похоронами?... Может быть, это покушение связано с чем-то другим. Может быть, ты перешел дорогу крутым парням там, у себя в Самаре. Какая у вас группировка самая сильная? Я с вашими не работал, про тольяттинцев только слышал, да чечня, говорят, у вас слишком наглая... Ни с кем не связывался?

– Не знаю, – опять соврал Игорь. – Но у меня профессия такая, я обязан во всем сомневаться. И быть постоянно настороже. Если в меня пытались стрелять вчера, то я допускаю такую же возможность сегодня. Если стрелять начали после того, как я собрался на похороны, я связываю покушение с похоронами... Хотя не отбрасываю никакие другие варианты. Только кому может перейти дорогу тихий пенсионер?...

– Сам ты как считаешь, чем-то это грозит моей семье? Я не испугался, не думай. Просто я к тому веду разговор, что в состоянии поставить дома охрану. Это может помочь?

Вопрос неожиданно оказался довольно сложным для Игоря. С одной стороны, едва ли даже в Конторе есть сведения, что у него здесь живет двоюродная сестра. И даже если знают о существовании такой сестры, то достаточно сложно выяснить ее нынешнюю фамилию. Тем более что Алексей у Татьяны второй муж. А первый живет там же, в Самаре. Но кто может точно сказать, какие данные в Конторе имеются, какие нет... Иногда у Игоря складывалось впечатление, что они даже знают, какого цвета бумажкой он пользовался в трехлетнем возрасте, когда слазил с горшка, а иногда казалось, что вообще на него нет досье, потому что ГРУ своими данными, тем более данными на своих сотрудников, делиться не любило никогда.

И подводить Алексея с Татьяной не хотелось. Мало ли что случиться может... А свидетелей Контора оставлять не любит. Но на открытый бой в городе и они едва ли решатся.

– Пожалуй, охрана не помешала бы... – сказал он наконец, прикинув все «за» и «против». – Но, если что, сам смотри, я подыщу себе другое прибежище...

Алексей усмехнулся. Парень он не робкого десятка, жаль только, что не знает, с кем связывается – в сравнении с самыми крутыми и серьезными группировками Контора вне конкуренции. И в жесткости им не уступит, и в жестокости. Разница только в том, что группировки при допросах применяют горячие утюги, а Контора работает более тонко и пользуется скоп-ламинам. Только один укол, и человек, если у него нет специальной подготовки, выложит все, что выложить не желал бы ни при каких обстоятельствах, даже то выложит, о чем его не спрашивали. А говорить Алексею про предполагаемого противника пока не следует.

– Это ты, зятек, оставь... Представь ситуацию, что я к тебе в Самару прикачу, спрятаться от кого-то пожелаю, а ты мне дверь не откроешь... Так, что ли? Вот и договорились... В нынешние времена выживает только тот, кто другого поддерживает. Вообще... Если вспомнить... Восемь лет назад был я в трудной ситуации. Искали меня крутые ребята, а мне и прикрыться

было нечем. Есть у меня брат. Надеялся я на него. Хотел с ним договориться о помощи. Какое там... А семья? А дети? А вдруг да узнают, что я у него? И так уже приходили, спрашивали... Короче, голову он под крыло, чтобы ничего не видеть. А сейчас, когда я на ноги поднялся, позванивает иногда, в гости приглашает или пытается денег занять... Есть у меня деньги, но ему не дам из принципа. Копейки не дам... Я подлость не люблю... А от родных терпеть подлость вдвойне обиднее...

Игорь кивнул. Он понял.

– Значит, порядок. Еще вопросы ко мне есть?

– Обо всем по порядку. Для первого звонка я тебе могу свой сотовый дать. Он в спальне, потом принесу. Если хочешь – финансами ты, я вижу, располагаешь, пенсионер, – Алексей усмехнулся, – могу тебе на свое имя еще один телефон приобрести. Или на Татьяну. Как скажешь...

– После обеда я тебе позвоню, скажу...

– А почему местным телефоном пользоваться не хочешь? Ну и пусть засекут. Здесь уже охрана будет.

Игорь покачал головой.

– Нет, чем дольше не будут знать, где я обосновался, тем спокойнее.

– Как хочешь. Мне твои деньги не жалко. Еще что?

– Когда в меня хотели стрелять, я столкнул их машину с обрыва. Под Бакалом... Там горы крутые...

Алексей присвистнул:

– Да и ты крутой... С тобой не соскучишься... Вчера-то я спросонья не посмотрел. Побился сильно?

– Нет, пустяк. Надо чуть подправить крыло, сменить сигнал поворота и наконечник на бампере.

– Нет проблем. Даже перегонять машину не будем. Пусть в гараже стоит. Сюда ребят подошлю. А там как, на дороге, видел кто?

– Нет. Без свидетелей. Они же сами такую ситуацию искали. Им тоже лишние глаза были ни к чему. Вот и подготовили... для себя...

– Тоже мне, «рэмбы» доморощенные. Нашли с кем связываться... – Алексей оказался даже способным на комплименты. – И как ты их, таранил?

– Это не таран. Есть у машины так называемое «слабое место»...

– Как у каждой женщины...

– Примерно. Там даже усилия особого не надо, чтобы большую машину развернуть. Если интересно, я тебе потом покажу.

– Вас что, учили этому?

– Да, нас многому учили... И мы многое умели... Кое-что и по сей день не забыли. А кое-где и нас не забыли... Тоже по сей день...

* * *

И снова марш-бросок, и снова с перебежками, где это только возможно. Но Игорь по опыту уже знал, что начали подступать тяжелые времена. Испытание первое для новичков. У большинства фляги уже оказались пустыми, хотя ребята и выдержанные, хотя и знают порядок, и себя не слишком жалеют. Десантная норма – 810 граммов воды. А дальше – что бог пошлет. Но вот то, что бог посылает, обычно бывает не совсем пригодно для питья. А если внешне кажется и пригодно, может получиться так, что во время марш-броска спецназовец после приема нескольких глотков такой воды больше будет по окрестным кустам бегать и нечленораздельными звуками вражеских жандармов распугивать. Чтобы не произошло такого, каждому

при экипировании выдается стеклянный цилиндр с йодированными обеззараживающими таблетками. Наличие таблеток Согрин проверял перед вылетом сам, как и всю остальную экипировку. Бросаешь ее в воду, вся муть оседает, и ты пьешь. Если только сможешь такую воду пить... От вкуса лицо скукоживает, как от килограмма одновременно заглоченных лимонов. Но – безопасно! Больше глотка с непривычки не осилишь. Со второго захода – два глотка, потом уже и три через силу. Главное – жажду бы хоть чуть-чуть утолить, а о вкусе думать потом будешь. И только к концу второго дня втягиваешься и пьешь эту воду, как родниковую. Но два дня – мучения...

У себя дома, в родных краях, Игорь знал еще один способ. Если находишься даже в самом грязном лесу, найди черемуху, сломай ветку и брось ее в первую попавшуюся лужу. Через минуту вся муть и грязь осядут, и пей эту воду. По вкусу она никакой другой не уступит. Но во Вьетнаме, к сожалению, черемуха не растет.

Группа по команде ведущего замерла. Замер одновременно со всеми и Игорь. И тут же понял почему. Откуда-то сбоку доносился звук, который ни один спецназовец или даже простой десантник не спутает с другим – вертолет. И уже совсем-совсем недалеко.

Игорь дал команду рассредоточиться по густорастущим кустам, хотя под кроной деревьев их и без того не было видно. И тут же показал Славе Макарову пальцем вверх. Слава понял и по-обезьяньи быстро, цепляясь за ветки и за лианы, стал взбираться поближе к небу.

Вертолет пролетел, судя по звуку, по дуге, словно специально огибал группу, не желая показаться на глаза.

Слава прыгнул.

– Вьетнамский. Зигзагами летает. Похоже, по нашу душу. У второй группы рация же была, так, кажется, тот жандарм сообщил... С первой они не встретились и подняли тревогу. И сообщили на базу. Вот и летают. Или первую группу ищут, или нас отслеживают. В любом случае – хорошего мало.

Подошел Саша Краснов.

– Могут и своих искать. Подкрепление, скажем, подвезли. Возможно, кого-то и сбросили уже.

– Не-а... – Слава не согласился. Вертолет он один видел. – Для подкрепления борт слабоват. Там посадить народ некуда, только если пилотам на колени... Это не подкрепление. С подкреплением бы большегрузный прилетел...

– Они же – местные – все миниатюрные, как капитан Тан. – Великан Толик Сохно мрачно положил тяжелую ладонь Тану на детское плечо. Пальцы жестко сжались. Возможно, до боли. – Могут и поместиться...

Тан осторожно, чуть ли не с девичьей деликатностью высвободил плечо. Он уже почувствовал, что Толик сразу невзлюбил его. Почувствовал это и Игорь. А на Тана, вероятно, произвело впечатление и то, как Толик расправился с жандармским офицером. Из этого он вполне мог сделать вывод, что лейтенант вообще вьетнамцев не любит.

– Вперед! Продолжаем марш, – скомандовал Игорь, чтобы разрядить обстановку. – Время поджигает. Скорость, где можно, по максимуму. Тан, ближе ко мне...

Группа продолжила перебежку в том же походном порядке. Только что стояли кучей и сразу, словно воздух из шарика струей выпустили, – ведущий, через десять шагов от него второй боец, дальше, через три шага, третий, и так один за другим через три шага.

Тан пристроился чуть сзади и сбоку от Игоря. Бежать полностью сбоку не давала ширина тропы. Игорь при своей тренированности мог себе позволить некоторое время и разговаривать на бегу – ему это дыхание не сильно сбивало. Тан же заметно задыхался, что, впрочем, Игоря не сильно волновало. Пусть капитан потренируется, пусть поймет суть спецназовского ремесла...

– Что про вертолет думаешь?

– Может, с американской базы? – предположил капитан. – Они время от времени совершают рейды.

– А есть американцам смысл летать на вьетнамских вертолетах? У них своих не хватает? – вопросом на вопрос ответил Игорь.

Тан что-то пробурчал под нос.

– Какие вообще силы могут местные власти собрать оперативно? Подкрепление подбросить могут?

Тан перевел дыхание.

– Трудно сказать. Жандармский взвод был рядом, потому и вышел сразу за нами. Вьетнам страна маленькая. Здесь не долго долететь. Час всего надо. Если захотят, то и подкрепление подбросят.

– А захотят? – Игорю требовалось большей конкретности, и потому он спрашивал зло, хотя и знал, что ответить на такой вопрос Тан не может.

– Едва ли... Против десяти одного взвода должно хватить. Они так думают. И что могут десять человек? Важных объектов здесь нет, диверсию проводить негде. Только рисовые поля взрывать.

– И значит?...

Тан опять долго не мог ответить, задыхался.

– Значит, это не нас ищут и не подкрепление... – выдавил он наконец с хрипом.

Согрин решил больше не мучить проводника – махнул рукой назад, дескать, в строй вставай, на дистанцию. Пусть переведет дыхание. Как раз перешли с бега на быстрый шаг – тропа сузилась и крыша природного листового туннеля опустилась слишком низко для бега.

Очередной привал они уже совершили на самом краю каменистой гряды, перед выходом к болоту. Ведущим шел Кордебалет. Он болото рассмотрел:

– Очень открытое место. Камыши расступаются в обе стороны метров на шестьдесят, а тропа, похоже, идет прямо посередине. Так на карте?

– Так, – подтвердил Согрин.

– Если снова вертолет появится, мы как сыр на блюдечке будем... Стреляй – не хочу...

– Маскироваться... – предложил Краснов.

– Маскироваться придется в любом случае. Нарезем камыш, и целый куст придется каждому на голову пристраивать. Только опять уйму времени потеряем, – посетовал Игорь.

– Тропа узкая. Если мы даже с маскировкой в таком же строю пойдем, то сверху сразу будет видно, что это геометрический порядок. Поймут... – предположил Кордебалет.

Тан пододвинулся ближе:

– Мы не так делаем. Когда вертолет летит, мы под воду прячемся. И через тростинку дышим...

– Дело! – Сохно одобрительно шлепнул Тана по плечу, отчего капитан даже слегка присел. – Только сначала попробовать надо. А то у меня легкие такие, что целую охапку тростника в рот засовывать придется, иначе задохнусь.

– Что у нас с графиком? – поинтересовался Макаров. – Сократили хоть немного?

– Пятнадцать минут запаса, – посмотрев на часы, констатировал Игорь. – А запас нужен не меньше трех часов. Мы можем увязнуть на подходе к засаде...

– Значит, ждать темноты бессмысленно.

– Естественно. Короче, так: всем просмотреть багаж. Выпустите из мешков весь воздух, чтобы не всплывали. Добавить по паре камней с тропы. Ничего... Дотащите... – сказал, чувствуя готовое вылететь возражение. – Не так и долго вам в водолазов играть... Позаботьтесь о герметичности. Тан, догрызай быстрее свои сухари и к болоту. Ты ответственный. Показывай, как вырезать подходящую тростинку. К Тану подходим парами. Остальные в кустах.

– Нет же вокруг никого... – попытался вставить Кордебалет.

– Отставить разговоры! Остальные в кустах. Ждут очереди. Поднялись. Вперед, к болоту...

Тан со своим делом справился быстро. Создавалось впечатление, что он в этой луже родился, вырос и сроднился с лягушками и водяными змеями.

Вода вокруг мутно-бурая, цветущая микроводорослями. Ладонь опустишь, и в пяти сантиметрах от поверхности ее уже не видно. В такую опускаться-то жутко и противно. Морально чувствуешь себя гораздо чище, если искупаешься всей физиономией в обыкновенной придорожной русской грязи. Но Тан не русский, и, как истинный житель болотной страны, срезал тростинку в полметра длиной, продул ее хорошенько в три захода. Взял в рот, придерживая одной рукой, другой зажал себе нос и присел. Со стороны никто не подумал бы, что под водой прячется человек. А уж тем более с высоты полета вертолета.

Через минуту Тан вынырнул и показал характерный русский знак – кулак с поднятым вверх большим пальцем – порядок! Первая пара направилась к вьетнамцу. Тан выбрал, по ведомым одному ему приметам, тростинку для Кордебалета. Шурик опробовал погружение вместе с грузом. Удачно. Для Сохно тростинку Тан искал дольше. Вырезал, демонстративно трижды продул. Толик долго вертел ее перед глазами, присматриваясь, с какого конца к ней подступиться, наконец взял в рот и нырнул. По сияющему лицу капитана Игорь издала понял, что тот не лишен чувства юмора. Сохно выскочил из воды через сорок секунд. Тростинка оказалась с пробкой, и дышать через нее было невозможно.

Довольный вьетнамец сделал лицо уже непроницаемым. И только развел руками – бывает и такое, и начал было искать другую тростинку. И все бы сошло незаметно, если бы Кордебалет не рассмеялся над нелепым выражением лица Сохно. Лейтенант все понял, высказал, видимо, непередаваемое выражение из русского лексикона, взял Тана за шиворот и погрузил под воду на те же сорок секунд, но уже без дыхательного аппарата. У Тана вид был не менее нелепый, чем перед этим у Сохно. И даже слегка испуганный. Но лейтенант улыбался, шутки он понимал и одобрял.

– Разыгрались, мать их... – пробурчал из кустов Согрин, но он и сам смеялся. И отлично понимал, что такая разрядка всем необходима, что она снимает усталость и делает дальнейший путь более легким. К тому же улыбка на лице Сохно ясно показывала, что между лейтенантом Советской Армии и капитаном вьетнамской устанавливаются нормальные отношения.

Скоро «крещение» в болоте приняли все. Согрин прошел эту процедуру последним и решил, что даже в парной воде не так уж и плохо по сравнению с сырой и липкой жарой в джунглях.

Они опробовали дорогу. Как и предполагал Игорь, она оказалась более скользкой, чем на открытом месте, но вообще-то вполне проходимой. И двинулись в путь, перед этим пропустив через ремни общий страховочный шнур – шелковый, тонкий, но чрезвычайно прочный. В руках этот шнур держать нельзя, порежешься. Первым Игорь отправил Тана, как знающего местные болотные условия лучше других. За Таном, почти вплотную, шел Сохно, готовый в случае чего – подскользнуться и оступиться, когда дна не видишь, не сложно – вытащить вьетнамца из воды за шиворот...

* * *

Алексей принес трубку сотового телефона. Сам деликатно вышел, чтобы не мешать разговору.

Игорь на секунду заколебался. Кто-то там возьмет трубку? Кто же звонил ему в Самару на самом деле? Но все равно, свечи вчера в комнате горели. Поминальные свечи. И зажег их уже, конечно, не покойник. Значит, кто-то готовится к похоронам, кто-то проявляет о Кордебалете последнюю заботу. Кто это будет? Но кто бы там ни был, спасибо ему...

Игорь набрал номер.

– Слушаю вас... – ответили еле слышным голосом.

Это, несомненно, была Татьяна Павловна. Значит, она жива. И еще это значит, что Контора не первый день ведет с этой семьей свою игру, если по данным одновременно ФСБ и МВД старушка числится уже на том свете. Значит, кому-то очень надо было, чтобы ее среди живых не знали. Причина одна – ее сын, но какая причина для того, чтобы сына тоже куда-то прятать?

– Татьяна Павловна, здравствуйте! Это Согрин. Я вчера вечером приехал. Пока остановился в одном месте, чтобы вам не мешать. Скоро буду у вас. Как вы себя чувствуете?

– Игорь Алексеевич... – Старушка заплакала сначала тихо, потом громче и громче. – Игорь Алексеевич, у нас еще одна беда... Прямо не знаю, как и сказать... У нас тело из морга пропало... Украл кто-то Сашу... Прямо из морга... Украли...

Глава 8

Игорь недоуменно молчал в трубку.

– Игорь Алексеевич... Алло... Алло... Вы слышите меня? Игорь Алексеевич...

– Да-да, я слышу.

– Что делать? Что мне делать?...

– Когда это произошло?

– Сегодня утром. Вчера вечером был на месте. Его уже и одели, и загримировали, даже побрили... Уже в гробу лежал... А полчаса назад пришли, а гроб пустой... И нам сразу позвонили...

– В милицию сообщили?

– Да, там уже и милиция, и ФСБ. Пропал, и все тут...

– В каком морге он был? Там же, в психбольнице?

– Нет, в городском...

– Отчего он умер? Вскрытие кто производил?

– Вскрытия не делали. У него перед этим сердечный приступ был. Предынфарктное состояние. А на следующий день, наверное, повторился... Так в документах и написали – острая сердечная недостаточность... Игорь Алексеевич... Алло... Алло...

Но Игорь не ответил и нажал кнопку отбоя...

Что-то здесь было не так, и он не хотел сейчас говорить, обещать, советовать, потому что должен был не показать в настоящей ситуации свое местонахождение. И уж конечно, не ехать сейчас домой к Татьяне Павловне, если это все же она на самом деле. А если ситуация проще и вскоре без него прояснится, то всегда можно потом извиниться – связь подвела, разговор прервался, а потом дозвониться не смог...

Он вышел из кабинета. Вид у него, должно быть, соответствовал моменту. Сестра сразу заметила это.

– Что случилось?

– Похороны отменяются...

– Что так? Покойник ожил? – неудачно пошутил Алексей, и сам, похоже, по тяжелому взгляду Игоря понял это.

– Тело из морга похитили...

– Что? – переспросила Татьяна.

– Похитили...

– Господи...

А Алексей даже присвистнул и взялся за свой телефон. Несколько раз номер набирал, но из трубки слышались короткие гудки.

– Без меня ни с кем по этому вопросу не говори, – жестко попросил Игорь.

Алексей кивнул и теперь повторил набор нажатием кнопки. По-прежнему слышались короткие гудки.

– Я насчет охраны звоню. Чтобы до моего ухода прибыли. Похоже, серьезнее дело, чем казалось... А? Ни с того ни с сего так вот не бывает...

Согрин не ответил и поднялся в свою комнату в мезонин. Надо было обдумать ситуацию как следует. И без того уже была достаточно сложная головоломка. А теперь новый поворот... И какой...

Нет, это не войсковая операция...

* * *

Тан шел на удивление уверенно. Со стороны посмотришь – утка-нырок, да и только! Сказывалась партизанская еще привычка к передвижению по болотам, которые и заполняют промежутки между гор в его стране. Где нет гор, там болота, где нет болот, там горы. Гор намного больше, но по горам не везде пройдешь. Вот и приходится в тине плавать. Спецназовцы поскальзывались сначала чаще, двоим, под смешки остальных, пришлось окунуться с головой, но тренированность и высокая обучаемость – неременная составляющая их профессии, позволили парням быстро подстроить свои шаги под зыбкую и ненадежную подводную поверхность. Хорошо хоть Тан сразу показал, что стопу под водой следует ставить не с каблука, а с носка и слегка сдвигать при этом вперед – внешне не логичный шаг, но дает возможность прочувствовать опору. А если ступаешь с каблука – сразу вроде бы жестко, но через секунду только чувствуешь, что проваливаешься или скользишь, и не успеваешь уже перестроить вторую, поднятую для шага ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.